

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ПРИБЕЖИЩЕ БОГОВ

В закоулках Мироздания - 2

16+

Юлия Викторовна Маркова Александр Борисович Михайловский Прибежище богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29806424

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1072-4

Аннотация

Много задач предстоит решить капитану Серегину и его команде, чтобы перейти на следующий уровень Мироздания. Жаркие битвы с применением магии, удивительные встречи и судьбоносные неожиданности ждут героев, которые движутся к главной цели – уничтожить обитающее тут отродье Сатаны. Для чего нужны магические амулеты? Сколько миров, похожих на наш, существует на самом деле? Можно ли убить бога войны и унаследовать его энергооболочку? Мир, полный чудес и тайн, постепенно покоряется тем, кто несет добро и справедливость. Несколько античных божков оказываются поверженными, а вопрос о наследнике Олимпийского трона решается самым неожиданным образом...

Содержание

Часть 5

4

Конец ознакомительного фрагмента.

112

Часть 5

Полдень. Капитан Серегин Сергей Сергеевич.

Поднявшись на плоскую вершину одного из холмов, мы увидели перед собой бесконечную, колышущуюся травами, чуть всхолмленную степную равнину, на которой то там, то сям были раскиданы деревья-великаны, а также целые рощицы акаций, кипарисов и других растений, свойственных засушливому климату. Русло речки, вырвавшись на равнину, стало прихотливо извилистым, а ее берега теперь окаймляли густые заросли кустарника и камыша, из которых время от времени взлетали стаи водоплавающих птиц, испугнутых каким-то хищником, а на поверхности речной глади то и дело играли всплески крупной рыбы.

Как раз вдоль этой реки, являющейся основным источником воды в этих засушливых краях, нам и предстоял путь на север, если мы не хотим блуждать в поисках неведомых нам колодцев и немногочисленных в этих краях пресных озер. Гай всего один раз ходил с отцовским караваном, и не запомнил и половины необходимых для провоза примет. Тем более что вначале караваны контрабандистов двигались вдоль реки, и только потом сворачивали на относительно безопасную тропу, ведущую в обход запретного сердца степей. Вот и нам, похоже, тоже придется проследовать по тому же пути, если, конечно, на нашей дороге в очередной раз не

обнаружится нечто, что опять резко изменит мои планы.

Еще раз обзрев местность, я вздохнул. Ну не ботаник я и не зоолог, что поделаться, и в похожей местности был только один раз во время краткосрочной командировки в Африку некоторое время назад. Единственное, чего, на мой взгляд, не хватало для полного сходства с африканскими саваннами, так это необъятных стад пасущихся антилоп, буйволов и зебр, а также жирафов, склоняющих свои изящные шеи к макушкам деревьев. Только на самом горизонте были заметны какие-то темные точки, которые, подобно жирафам, объедали вершины высоких деревьев. Однако не бывает таких массивных жирафов – с пропорциями, свойственными скорее какому-нибудь длинношеему носорогу. Прочие подробности в строении этих животных из-за отдаленности рассмотреть было невозможно даже в бинокль.

Вероятно, именно из-за полного отсутствия копытных травоядных покров многолетних трав был таким густым и высоким, что был способен до плеч укрыть стоящего на земле человека. Такое в наших степях случается только весной в самые благоприятные годы, и то стада диких и домашних копытных очень быстро поглощают все это великолепие, оставляя после себя только коротко подстриженный газон.

Обернувшись, я увидел, что скотина в нашем караване, за время перехода вынужденная довольствоваться сухим сеном из запасов фуража и скудными клочками травы в ущелье, с радостью набросилась на даровое степное угощение.

Понятно, почему жители того разоренного тевтонами селения гоняли свой скот сюда на откорм – с голоду в этих краях умереть невозможно. И если они до сих пор не населены, значит, этому есть еще какая-то причина – скорее всего, это люди со своими междоусобицами и таящиеся в центре этих степей так называемые места силы.

Вот и торопливо уходящий от погони в нашем направлении одинокий всадник тоже наводил меня на те же мысли. И тут тоже война, погони, кровь и убийства. Понятно, почему неведомый игрок перебросил сюда таких профессионалов в этом деле, как мы. Но даже спецназ бессилен, когда иссякнут пачки с патронами в рейдовых рюкзаках. Разбираясь с тевтонами, мы и так уже потратились их больше, чем наполовину. Впрочем, будет день – будет пища. Делай что должен, а потом будет видно – обязательно что-нибудь подвернется. Знать бы только, что это за Места Силы, и с чем их едят...

– Слушай, Змей, – сказал я своему заместителю, – возьми нескольких ребят и, пока мы тут красуемся на вершине холма, организуй гостям горячую встречу в русском стиле. Того, кто убегает от погони, не трогай, Колдун уверяет, что это «наш», а тех, кто его преследует, можешь положить всех до единого, за исключением, пожалуй, парочки языков, с которыми хочется вдумчиво и не спеша побеседовать. Ты уж постарайся. Информация, полученная от тевтонки, очень уж расплывчатая, да и вообще, новые места требуют разговора с новыми людьми, и желательно, чтобы это были два-три неза-

висимых источника.

Змей поднял к глазам бинокль и некоторое время внимательно рассматривал своих будущих клиентов и лежащую перед нами местность.

– Так, – сказал он, – думаю, товарищ капитан, что сделаем все в лучшем виде, так, что и комар носу не подточит. Возьму с собой Зоркого, Ару, Кобру и Бухгалтера, и займу с ними позицию вон в том кустарнике у самого подножья холма, благо времени еще немного есть. Если беглец действительно торопится к нам, то те, кто за ним гонятся, мимо этих кустов точно не пройдут.

Хорошо придумал Змеюка – пулеметчик, снайпер и три автоматчика искрошат десяток преследующих гонца всадников даже не напрягаясь. С другой стороны, может, так и надо – покончить с этим делом быстро и без всякого риска, а тратить зря патроны мои ребята не приучены. Потом мне в голову пришла еще одна тревожная мысль, и я вопросительно посмотрел на находящегося рядом отца Александра, но он только отрицательно покачал головой и, пожав плечами, сказал:

– По моему профилю там работы нет. Никто из этих баб не связан с Нечистым, или, по крайней мере, эта связь не духовная, а чисто материальная. Ведь Князь Тьмы большой мастер использовать в своих целях различные человеческие пороки – алчность, гордыню, лживость и похоть.

– Баб?! – переспросил я, глядя как одетые в «лохматки»

парни быстро спешиваются, и бегом направляются к указанным Змеем зарослям кустарника.

– Ну да, – вздохнул отец Александр, – а кого ты ожидал встретить в землях легендарных амазонок? С этого момента, скорее всего, все – и союзники и враги – будут у тебя женского пола, мужчины у амазонок существуют только в статусе домохозяев и слуг, и не обладают никакой самостоятельностью. Причем врагов у тебя будет гораздо больше, чем союзников, и только авторитет Кибелы и твое собственное поведение смогут удержать их от открытого конфликта. Ну не любят местные дамы сильных и независимых мужчин, несмотря на то, что охотно заводят от них детей.

Ну не хрена ж себе струя. Воевать с бабами – это последнее, что я мечтал делать в своей жизни. Но если они тут такие борзые, то придется окорачивать, и очень жестоко. Кстати, если дела обстоят так, как сказал отец Александр, то тем больше аргументов за то, чтобы попробовать самостоятельно пошарить в этих Местах Силы в поисках того, что позволит нам говорить с этим миром на равных, а может, и с позиции силы. Пока что мы лишь бежим куда глаза глядят, по пути жестоко огрызаясь на всех, кто пытается на нас напасть. Но решение я буду принимать только после того, как переговорю с гонцом, а возможно, и с пленными, и получу от них всю возможную и максимально достоверную информацию о происходящем.

Тем временем ситуация развивалась стремительно. Убе-

гающий гонец и преследующая его банда приблизились настолько, что даже невооруженным взглядом было видно, что худощавый, похожий на подростка, гонец во весь опор гонит на выбивающейся из сил лошади, и только subtilность седока является причиной того, что несчастное животное еще не пало от усталости. Преследователи, напротив, были одвуконь и время от времени, почти не снижая хода, ловко перепрыгивали с одной лошади на другую, давая уставшей коняшке немного побегать налегке. Таким образом, у них были все шансы загнать лошадь гонца насмерть, после чего он оказался бы в полной их власти.

Наше присутствие на вершине холма не смущало преследующих, ибо там, на виду, восседая на высоких рыцарских конях, оставались только я, отец Александр, Колдун, да стоящая рядом с нами на земле Птица, которая только присматривалась к спокойной рыжей кобыле, которую она назвала «Звездочкой», все еще не решаясь влезть ей на спину. Все остальные наши люди либо тщательно замаскировались, заняв позиции для обороны, либо находились при караване, временно остановившемся за обратным скатом холма. Очевидно, приблизившиеся преследователи или преследовательницы сочли наши силы крайне незначительными и продолжили свою гонку, не снижая темпа погони.

Кстати, под Димкой был тот самый рыцарский конь, которого он очаровал три дня назад у брода, где мы впервые столкнулись в бою с тевтонами. Огромная боевая зверюга,

которой мальчик дал кличку «Граф», вела себя крайне предупредительно и осторожно по отношению к новому хозяину, и мальчик тоже отвечал коню взаимностью, балуя его то маленькими кусочками леденца, то подсоленными ржаными сухарями.

Тем временем гонец доскакал почти до тех самых зарослей, где укрывался Змей со своей командой, но не успели мы издать вздох облегчения, как вдруг его лошадь на всем скаку грянулась оземь замертво, отчего Колдун даже вскрикнул, напряженно сжимая в кулаке свой камень. То ли гонец от природы был очень ловок, то ли ему помогло колдовство мальчика, но, перепрыгнув через шею падающей лошади, он кубарем покатился по земле, а потом вскочил на ноги и, прихрамывая, побежал в нашу сторону. До засадной позиции наших бойцов оставалось еще чуть больше двухсот метров, и расстояние между гонцом и взявшимися за луки преследователями быстро сокращалось. Первоначально стрелы либо не долетали до беглеца, либо падали вокруг него на излете. Но вскоре одна из них ударила его в ногу, неглубоко войдя в мякоть икроножной мышцы, тут же выпав, а другая пробила левое предплечье. Хромающий гонец, оставляя за собой кровавый след, продолжал бежать на чистом упрямстве, даже не оглядываясь, и прилагая последние усилия. Наверное, ему казалось, что мы равнодушно взираем на его усилия с вершины холма, не желая приходить ему на помощь. Но это было не так.

Неожиданно одна из преследовавших гонца амазонок, последняя в этой банде, на всем скаку вылетела из седла, за ней еще одна, и еще. Кобра у нас вообще кусается редко, но зато насмерть. Потом, когда погоня приблизилась вплотную к засаде, к делу подключились автоматчики и быстро довели количество преследующих до нуля, не позволив Зоркому Глазу истратить даже одного патрона.

Представляю себе удивление израненного гонца, заживавшего простреленную руку, когда прямо перед ним с земли начали подниматься поросшие травой бугорки, по ходу дела превращаясь в людей, одетых в странные мешковатые одежды, с раскрашенными лицами. Также представляю взаимное удивление Змея и других наших орлов (ну и одной орлицы), когда они обнаружили, что стоящий перед ними гонец в короткой тунике неопределенного светло-коричневого цвета без рукавов – это обыкновенная голенастая девочка-подросток, быть может, на пару лет старше наших Матильды и Зайчонка. Змей сделал Кобре знак, чтобы она сопровождала гонца к нам на вершину холма, а сам с ребятами пошел делать мужскую работу – решать, кому из тех, кто еще дышит, пока жить, а кому умереть уже сейчас.

Ободряюще улыбнувшись (что на покрытом боевым гримом лице выглядело немного страшновато), Кобра резким движением отломала наконечник у камышовой стрелы, торчавшей из предплечья юной барышни, после чего, вытащив из раны обломок с оперением, достала индпакет и приня-

лась бинтовать девчонке руку, предварительно убедившись, что не задета кость. Все то время, пока она занималась первой помощью, ее пациентка стояла, сжав зубы, а мы терпеливо ждали своей очереди на вершине холма. Потом, закончив с грубоватой военно-полевой медициной, Кобра подхватила девчонку под здоровую руку и повлекла ее к нам вверх по склону холма. Та еле переставляла ноги. Переглянувшись с отцом Александром, мы дружно спешили, потом помогли сделать то же самое Колдуну. Не хотел я пока вживаться в образ заносчивого князя, сверху вниз взирающего на докучливых посетителей. Насмотрелся, знаете ли, до тошноты на всякую чиновную мразь.

Тем временем Змей занялся своим грязным делом, прекрасно помня мое указание о необходимости максимум одного-двух языков и твердо намереваясь выполнить его в полном объеме. Но тут у него было без вариантов – после стрельбы Кобры, если на то не поступало особых указаний, обычно остаются либо трупы, либо смертельно раненые. Только двое из почти дюжины амазонок находились в приемлемом для допроса состоянии – покрытая татуировками мускулистая атаманша средних лет, которой пули из «Вала», ранив лошадь, пробили навывлет левое бедро и раздробили правое плечо, а также совсем молодая девчонка, не старше гонца, которая, когда ее товарки по непонятной причине начали падать с коней, сама прыгнула со спины своей кобылы и притворилась мертвой. Только такое мелкое притворство не

могло обмануть опытного Змея, собственноручно отпустившего в лучший мир уже не одного «духа». Заведи руки за спину, милая, и полежи пока лицом в горячей пыли, пока решается твоя судьба.

При детальном досмотре на безымянном пальце бессильно повисшей правой руки атаманши, рядом с кольцом лучника, обнаружился знакомый серебряный перстенок, увидев который, Змей от души выругался и немедленно доложил об этом мне по рации. И здесь тоже был херр Тойфель, только в неявном виде, поэтому отец Александр и не смог почувствовать его непосредственного присутствия.

– Давай сюда их обеих, – ответил я, – только чуть попозже. Чувствую, что дело будет горячим.

– Понял, командир, – ответил Змей перед тем как отключиться.

* * *

Посланница богини Кибелы, послушница храма вечного огня, юная дева Агния

Шаг за шагом, вслед за увлекающей меня вперед Темной Звездой, я приближалась к вершине холма, где плечом к плечу стояли четверо, являвшие соединение несоединимого. Поджарый, быстрый, и в то же время мощный Воин, готовый в любой момент нанести удар, являлся олицетворением Силы. Его грубость смягчалась безмерной Добротой и Разу-

мом, плещущейся в глазах Молодой Матери, и Мудростью, которую излучал совсем юный, моложе меня, мальчик-маг с усталыми глазами взрослого человека, к которому я и была послана. А над всем этим распростер свой сияющий ореол невероятно могучий Адепт Порядка, являющий в этом мире гостем, способным указать хозяевам, как им жить и что делать. Да и сама Темная Звезда тоже отнюдь не была безобидным существом. Темные вихри разрушения так и рвались из нее наружу. Даже полностью лишенный всякой магии Воин был одарен поцелуем богини удачи Тихе, чем может похвастаться далеко не каждый бессмертный.

К такому развитию событий я не была готова, рассчитывая встретить своего юного адресата в окружении простых смертных. А тут воздух аж потрескивал и гудел от напряжения скрытых сил, и волосы на моей голове так и норовили встать дыбом. Впрочем, и надежд на то, что я смогу преодолеть назначенный мне путь, тоже было очень немного. Опасности пути были велики, и в самом конце они меня чуть не настигли. Я уже слышала в своих ушах голос Харона, как вдруг случилось чудо, и мои враги один за другим начали умирать, не в силах даже понять, откуда пришла смерть. А потом, когда все кончилось, передо мной, как призраки, начали подниматься, будто вырастая прямо из земли, могучие воины-титаны, и среди них сама ужасная Темная Звезда. Я сразу ее узнала, несмотря на непривычный облик и манеры – по ярости, плещущейся в ней, как густое и темное нераз-

бавленное вино в стеклянном сосуде.

Помня предостережение пославшей меня Великой Матери об ужасных войнах, сопровождающих того мальчика-мага, которому я должна была служить, я замерла ни жива ни мертва, решив, что встреча с Хароном от меня сегодня никуда не уйдет. Но титаны не тронули бедную девушку, и, оставив со мной Темную Звезду, пошли дальше нести смерть тем, кто совсем недавно преследовал меня, и вскоре оттуда донеслись последние стоны и хрипы умирающих с перерезанной глоткой. Это значит, что Харону сегодня точно есть кого перевозить на тот берег Стикса.

Самым удивительным было то, что Темная Звезда вытащила стрелу из моей руки и перевязала рану, остановив кровь. Обычно даже в своем человеческом облике она не бывает настолько добра, чтобы врачевать чьи-то раны. Сделав мне перевязку, она повлекла меня вперед, к ожидавшим на холме. И самым страшным было то, что мой юный господин, очевидно, был самым низшим из четырех этих могущественнейших людей. Тут я даже немного растерялась. Как прикажете выполнять мое основное задание, когда оказывается, что от того, на кого я могу воздействовать, почти ничего не зависит. Как я знала, послание, имевшееся при мне, являлось набором пустых дипломатических формул, признанных усыпить бдительность тех, кому оно было направлено, и подготовить их сознание к специально организованным переговорам, на которых клиент может потерять все. Но в этот

раз дело не должно было зайти так далеко. Мне просто направить моего господина в объятия Кибелы и сделать так, чтобы он выбрал самый короткий путь, минуя Места Силы. Но уже очевидно, что у меня ничего не выйдет.

Когда я передавала мальчику-магу свиток, запечатанный печатью Кибелы, то попыталась пасть перед ним на колени, но сам мальчик поморщился, а Темная Звезда удержала меня от этого. Вместо мальчика свиток у меня взяла Молодая Мать, бросившая в мою сторону такой пронизательный взгляд, что, казалось, она видит насквозь все мои мысли и побуждения, после чего что-то сказала на своем языке, а Воин посмотрел на нее и утвердительно кивнул. Потом ноги мои начали сами собой подгибаться, очевидно, сказались и утомление сегодняшней погоней, раны, и нервное потрясение от встречи со столь могущественнейшими существами... И я попросту без сил повисла на руках у Темной Звезды, и та повела меня куда-то на противоположную сторону холма. Сперва я думала, что мы идем туда, где меня можно без помех убить, не оскверняя ничьего взора видом крови. Но вместо этого мы пришли к большому обозу, где меня с рук на руки передали худенькой девочке, которая уже ухаживала за такой же молодой, как и я, раненой тевтонкой. Ох, не стоит помещать в один сосуд двух таких взаимоисключающих людей, как меня, послушницу храма Вечного Огня, посланницу Великой Матери, и ту, которая, будучи отмечена печатью зла, была нашим извечным врагом от начала до

скончания мира. Увидев меня, тевтонка вскочила, сжала кулаки и зарычала как собака, я же в ответ издала разъяренное шипение дикой кошки, приготовившись вцепиться в ее светлые патлы.

Но Темная Звезда обожгла нас таким взглядом, что мне сразу расхотелось драться, да и тевтонка опустила руки и повесила голову, как побитая собака. Мне даже стало ее немного жалко. Очевидно, что ее некогда неукротимый дух, которым гордятся все тевтоны, был уже сломлен, и теперь она была готова подчиниться не только окрику ужасной Темной Звезды, но и тихому слову худенькой и безобидной девочки, которая сама была не в силах причинить кому-нибудь вред.

* * *

Анна Сергеевна Струмилина

Гонцом оказалась худая как цапля, голенастая девчонка лет семнадцати с исцарапанными коленками и забинтованным левым предплечьем. Длинные волосы, от природы светлые, но сейчас имеющие грязно-пепельный оттенок из-за пыли, несколько диссонировали с монголоидным скуластым лицом, украшенным маленьким носиком и раскосыми глазами. Такое не редкость в нашем мире, где корейнки, японки и китайнки таким образом частенько пытаются закосить под европейек, но почти исключено здесь, где люди используют минимум косметики. Довольно миленькая, надо сказать,

девочка, особенно если не знать, что у нее внутри. А внутри нее сидела программа, вроде компьютерного вируса. Впрочем, обо всем по порядку...

Еще когда Ника вела эту девицу в нашу сторону, Димка воззрился на нее с внимательным прищуром, терзая свой амулет, а потом встревожено заявил капитану Серегину:

– Товарищ капитан, товарищ капитан, с этой девочкой явно что-то не в порядке. На нее наложено какое-то неизвестное мне заклинание, скрепленное клеймом неснимаемости, наподобие того, как на террористов надевают эту штуку со взрывчаткой. Я не могу в нем разобраться, потому что пока не имею необходимых для этого знаний.

При этих словах капитан Серегин только перевел вопросительный взгляд на меня, ибо не бельмеса не разобрался в разных там заклинаниях, доверяя это дело специалистам, то есть нам с Димкой и отцом Александром. Одна голова хорошо, а две лучше.

– Явной угрозы нет, – выдал свой вердикт отец Александр, – но установка на неизвлекаемость настораживает. Не думаю, что кому-нибудь пришло в голову закреплять таким образом заклинание против перхоти.

– Если будет надо, – важно сказал Димка, – то мы с вами вдвоем снимем это заклинание на раз-два, как это было с той тевтонкой. Но только вот сперва хотелось бы разобраться, что это такое и для чего оно нужно? Я в своем кристалле ничего подобного пока не изучал.

– Извини, – сказал отец Александр, – но в снятии этого заклинания я тебе не помощник. Я ведь не маг, а честный священник, и мои возможности распространяются только на противодействие сатанинским силам. Если бы это заклинание накладывала не Кибела или ее жрицы, а херр Тойфель со своими миньонами, то я тогда бы с радостью тебе помог, а так – извини. Должен только предупредить, что Великая Мать – баба хитрая и мозги у нее варят куда лучше, чем у всех олимпийских богов, вместе взятых, и херра Тойфеля в придачу. И я даже не могу предположить, с какой целью она подслала к тебе эту троянскую кобылку. А то, что эта девица послана именно к тебе, так это ясно как день.

Пока Димка с отцом Александром обменивались мнениями, я, через чуть прищуренные глаза, постаралась лучше приглядеться к приближающейся девице и прочитать ее сознание, после чего обнаружила, что на ней действительно весьма хитрое заклинание с несколькими ключевыми функциями.

На самой поверхности находилась та его часть, что служила своего рода компасом, который должен был привести девушку к Димке, где бы он ни находился. Следующая часть заклинания, спрятанная чуть глубже, должна была полностью подчинить девушку Димкиной воле, чтобы она исполняла все его прихоти и капризы – хм, такое ощущение, что все это было рассчитано на взрослого, так сказать, «половозрелого» юношу... Странно. И уже за этой частью стоял хитро

замаскированный код взаимно-обратного подчинения, который должен был перебросить это заклинание на самого Димку и заставить его выполнять базовые инструкции, спрятанные подальше от нескромных глаз.

Девушка должна была подчиниться Димке в момент передачи послания, а вот когда я поняла, какой момент должен был послужить для запуска последней, самой опасной части заклинания, я озадачилась еще сильнее. Это надо же додуматься – наложить заклинание подчинения на нашего мальчика, да еще таким весьма мудреным способом... Но тот, кто это сделал (трудно было поверить, что сама Кибела), явно просчитался. Димке всего одиннадцать лет, и как его ни развращай, никаких любовных контактов между ним и этой Агнией не может быть еще несколько лет. К тому же у меня тут же возник план, как разом поломать эту интригу вдребезги и пополам.

Я просто взяла свиток с посланием вместо Димки, замкнув на себя первую часть заклинания, заставив тем самым защиту допустить меня к его основному коду, после чего сказала капитану Серегину, что в первом приближении план Кибелы обезврежен, а потом мы найдем время и вычистим эту деву до белых костей. Там действительно еще разбираться и разбираться с тем, куда, по ее мнению, нам можно идти, и куда абсолютно нежелательно.

Тот утвердительно кивнул, после чего сказал Нике, чтобы она увела девушку в обоз и сдала ее на руки Яне, выхажива-

ющей у нас разного рода сирых и убогих, тем более что той что-то резко поплохело, наверное, из-за нештатного срабатывания первой части заклинания. А может, все так и было задумано – девушка отдает свиток Димке и тут же без чувств оседает прямо ему на руки, после чего она вся его, будь ему лет пятнадцать-шестнадцать. Но все пошло не так, и фокус не вышел, а значит, нужно будет до конца размотать всю эту интригу и объяснить Димке, откуда тут что растет.

Само послание (кстати, написанное на древнегреческом), прочел отец Александр, которому это язык было положено знать по должности. Ничего особенного, обыкновенное дипломатическое послание с приглашением заглядывать в гости в любое удобное время и обещание взять юное дарование к себе в ученики. Знала бы мадам Кибела, чего это юное дарование успело достигнуть, имея базовый образовательный уровень российской школы, кристалл-самоучитель и общение с такими людьми, как ваша покорная слуга и отец Александр.

Но это все после, потому что к нам уже ведут парочку пленных, с которыми мне надо будет разговаривать совсем в другом ключе. И даже не разговаривать, а просвечивать, как рентгеном, сознание, выявляя мотивы, побуждения, тайные желания и предрассудки. Бр-р-р-р! Да, я это умею, и понимаю, что это необходимо делать, когда имеешь дело с явным врагом, но после такой процедуры я каждый раз чувствую себя так, будто окунулась в грязную лужу, и вдобавок по мо-

ей голове проехал трактор.

Одна из пленных – та самая зрелая атаманша, предводительница отряда, что преследовал гонца – была настроена к нам весьма враждебно. От ее мыслей смердело, как от кучи падали, а ненависть, что заполняла большую часть ее сознания, действовала на мой ментальный фон подобно визгливому звуку пилы, вгрызающейся в дерево и усиленному в несколько раз. Но сейчас мне было некогда детально разбираться с причинами этой враждебности по отношению к нам, не успевшим сделать им ничего – ни хорошего, ни дурного. Возможно, это обыкновенная ксенофобия, когда врагом объявляется все чужое, а может, это чья-то осмысленная акция, направленная против нас. Тут надо разбираться, да вот только по окончании допроса Серегин сделает характерный жест, и спецназовцы отпустят грешную душу в поля счастливой охоты.

И тут же, рядом с атаманшей, стояла молоденькая, едва оперившаяся, испуганная девочка-цыпленок, вроде той тевтонки или нашей предыдущей гостьи-посланницы. Эх, и рано же здешние дети входят во взрослую жизнь. Этим девочкам еще бы в куклы играть, а они уже совсем по-взрослому куда-то скачут, попутно убивая и рискуя самим быть убитыми в шальной стычке. Из наскоро прочитанного сознания атаманши мне было известно, что еще две таких же юных девчонки лежат там у кустов, не пережив встречи с нашими спецназовцами. Вот так жизнь оборачивается смертью, и на-

оборот. Надеюсь, хоть эту девочку, не успевшую еще заматереть и что-нибудь сотворить, Серегин оставит в живых и позволит исправить ее неудачно сложившуюся судьбу. Если что, то я сама поручусь за нее, взяв на попечение еще одну несчастную душу – по сравнению с тем, что у меня уже есть – невелика тяжесть.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Когда к нам наконец привели разбойничавших амазонок, которые вздумали гоняться по степи за нашим гонцом, то последовавшее за этим действие совсем не было похоже на обычный допрос с вопросами и ответами. Отставив в сторону прихрамывающую молоденькую девчонку, у которой еще молоко на губах не обсохло, мы взялись сразу за атаманшу. Видимо, Птица углядела в ее сознании что-то для всех нас нехорошее, потому что допрос, если его так можно было назвать, больше напоминал дойку до смерти. Если бы разговор не шел о тех вещах, в которых Колдун был наиболее компетентным нашим специалистом, я бы обязательно отправил бы мальчика куда-нибудь подальше, чтобы не травмировать его психику. Но, к сожалению, это было исключено.

Сразу же удалось выяснить несколько очень важных моментов.

Во-первых – отряд амазонок, с которым мы, так сказать,

«пересеклись», входил в штатную стражу Сердца Степей, и должен был задерживать и уничтожать разного рода чужаков, к которым относились и мы.

Во-вторых – подтвердилось и то, что мы и так уже знали после обнаружения перстня. Подобные патрули имели связь с такими же пограничниками на тевтонской стороне, и время от времени за умеренную плату хорошим оружием и амуницией передавали им перебежчиков, выкраденных в разных концах степи и далеко на севере в стране Койне – светловолосых и голубоглазых юношей и девиц европейской внешности, а также найденные в запретных местах разные таинственные предметы.

В-третьих – была получена информация, что в бою участвовал не весь отряд, а только его большая часть, состоящая в основном из самых опытных воинов и небольшого количества молодняка. Еще четыре амазонки – по большей части необученная зелень – примерно в двух часах пути от нас встали на дневку, продолжая охранять двух захваченных неподалеку людей – мужчину и женщину, в одеждах, очень похожих на наши, но только серо-голубого цвета, а не оттенка хаки.

В-четвертых – совсем недавно в степи была особая гроза, после которой в запретных местах обычно появляются новые загадочные предметы и странные люди. Связав между собой третье и четвертое, можно было предположить, что загадочные чужаки как раз, подобно нам, являются случай-

ными жертвами межмирового провала, а их одеяние по описанию очень похоже на униформу наших вертолетчиков. А как заповедовал товарищ Суворов – сам погибай, а товарища выручай.

В-пятых – самый мелкий, но довольно приятный штрих к полученной информации заключался в том, что за гонцом эти стражи-оборотни погнались не потому, что имели на нее какой-либо осмысленный заказ, а лишь оттого, что элементарно испугались разоблачения насчет нехороших шашней со злейшим врагом.

Короче, решено – ставим караван на привал в излучине реки у подножия этого холма, а сами – я, Док, Кобра, Бухгалтер и Колдун – совершаем быстрый кавалерийский поиск с целью настичь и разгромить караван амазонок. Вместо Колдуна, который все же всего лишь мальчик, я бы с превеликим удовольствием взял Птицу, но она, к величайшему сожалению, пока что не решается сесть в седло, а потому ей придется остаться вместе с отцом Александром и остальными моими людьми, которые будут охранять стоянку нашей подвижной базы. Надеюсь, что до заката мы полностью обернемся туда и обратно. Тут должно быть совсем недалеко, иначе бы лошадь у этой Агнии была загнана от утомления значительно раньше. Решение я принял, оставалось сказать об этом Птице.

– Нет, Сергей Сергеевич! – ответила она мне вполголоса, но в такой категорической форме, что даже немного расте-

рялся. – Мальчик и так сильно утомился, и вряд ли ему будет полезна такая долгая поездка. Пусть лучше он побудет в лагере с отцом Александром, а вместо него с вами поеду я! И пользы от меня тоже будет больше, чем от Димы, ведь я умею читать сознание незнакомых людей, а он нет.

Немного придя в себя, я понял, что сейчас со мной разговаривала не моя временная подчиненная Птица, и не богиня Анна (в этой ипостаси она выступает только перед своими подопечными), а педагог детского летнего лагеря Анна Сергеевна Струмилина – существо строгое и хлопотливое, которому для полного образа не хватает только очков на носу. Впрочем, против ее аргументов мне крыть было нечем. И тащить уставшего ребенка в дальнюю экспедицию нехорошо, и от самой Птицы пользы может выйти гораздо больше, чем от Колдуна. Но против ее доводов у меня оставалось одно, но очень жирное «но».

– Анна Сергеевна, – устало сказал я, – я запланировал взять мальчика только потому, что вы до сих пор так и не собрались сесть на лошадь, а от отца Александра в предстоящей экспедиции толку будет совсем чуть, так как он специалист исключительно по сатанинским силам.

– Не села, так сяду! И немедленно! – упрямо ответила мне Птица, тряхнув своим хвостом и горделиво развернув плечи, и затем, взяв под уздцы свою Звездочку, отошла чуть в сторонку от нас, по ходу что-то шепча лошади прямо в ухо.

– Мы выедем, как только караван встанет лагерем, – крик-

нул я ей вслед, – примерно через полчаса или час.

Птица на некоторое время прервала свой разговор с лошадью и повернула голову в мою сторону. Она слегка улыбалась, и имела при этом немного отстраненный вид.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – ответила она мне и даже вроде подмигнула, – когда будете выезжать, только свистните – я буду готова как штык!

* * *

Анна Сергеевна Струмилина

Я всегда мечтала научиться ездить верхом, и в детстве часто просила маму «купить лошадку». Но воплотить свою мечту как-то не довелось. Лошади мне нравились, они казались мне добрыми и разумными существами. К сожалению, жизнь в городе не подразумевает возможности регулярно с ними общаться, если только ты не жокей, и не член клуба любителей верховой езды. Лишь один раз я имела случай сфотографироваться верхом на лошади – при этом я очень боялась свалиться; несмотря на то, что животное стояло на месте, его тело двигалось подо мной, мышцы ходили под кожей, оно мотало головой и перебирало ногами, фыркало и сопело, отчего мне хотелось побыстрее слезть с нее. Уже тогда я поняла, что у лошади и человека должен быть контакт. Для взаимодействия им нужно симпатизировать друг другу. Нет, скорее даже любить друг друга и доверять...

И вот теперь, кровь из носу – мне необходимо расположить к себе эту рыжую кобылу с белой отметиной на лбу, убедить ее доверять мне, вызвать в ней любовь и привязанность. Я, конечно, опекала Звездочку все это время, но что-то подсказывало мне, что этого недостаточно. Я не чувствовала, что могу без опаски сесть на нее – оставался еще какой-то барьер между нами, может, мой страх, а может, ее недоверие, ведь она наверняка еще помнила своего прежнего хозяина.

Я задумчиво смотрела на Звездочку, которая меланхолично поедала принесенный мной кусок сахара, кося на меня своим большим пронизательным глазом. Я ласково поглаживала ее, чесала за ухом, перебирала гриву, с удовольствием ощущая всю мощь этого прекрасного создания, его силу и энергию. Мы стояли с ней в изрядном отдалении от всех, я специально ее сюда увела, чтобы никто не мешал моим попыткам пообщаться и сблизиться с ней...

– Ты моя красавица... – приговаривала я, – умница, хорошая моя. Кушай, кушай. Я еще принесу.

Внезапно мне пришло в голову поговорить с лошадью так, как если бы это был человек. Ну а что – вдруг она меня действительно понимает? Я и раньше с ней разговаривала, но ведь я не ожидала услышать ответ, просто делала это как бы машинально, как делаем все мы, сюсюкая с милым котенком или прелестным щенком. Но теперь я попытаюсь уловить ее чувства... увидеть ее мысли, направленные мне в от-

вет... не знаю, как это у меня получится с животным, но, в конце концов, почему бы и нет? Что-то действительно подсказывало мне, что я на верном пути.

– Звездочка... – вкрадчивым шепотом сказала я, обнимая лошадь за шею, и прижимаясь к ней щекой, – я люблю тебя, милая моя лошадка... Я хочу, чтоб мы с тобой подружились, и обещаю, что буду всегда заботиться о тебе, ласкать тебя и кормить. Я очень хочу поговорить с тобой... и попросить о чем-то... ты понимаешь меня, Звездочка?

Я открыла свой ментальный канал навстречу мыслям лошади... Это получилось у меня на удивление легко, и дальше я удивлялась все больше и больше, и одновременно мое сердце наполнялось ликованием, потому что Звездочка понимала меня! А что самое поразительное – я считывала ее мысли безо всякого труда, я видела их так отчетливо и ясно, как еще не видела мысли людей! И еще мне стало понятно, что и кобыла слышит меня на ментальном уровне. Конечно, вряд ли она понимала мою речь, но ей, безусловно, были понятны все мои чувства, эмоции и желания, связанные с ней. Она отвечала мне. Она была готова поговорить со мной.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Выехали мы из лагеря не через полчаса и не через час, а уложились примерно в сорок пять минут, и Птица тоже

была с нами. Мне оставалось лишь диву даваться, как это она за столь короткое время научилась ездить верхом, причем весьма уверенно и грациозно. Как я подозреваю, скорее всего, она просто договорилась с лошадью или что-то вроде этого, потому что вид у обеих был при этом до невозможности хитрый и загадочный. Птица, необычайно довольная, сидела в седле горделиво и победоносно, с выпрямленной спиной, рыжая кобыла слушалась малейшего ее движения, и, похоже, была счастлива иметь такую хозяйку. При взгляде на них создавалось стойкое убеждение, что они сроднились и теперь составляют неразрывный тандем. Даже их хвосты, эквивалентные друг другу по длине и густоте, качались в одном ритме. Честно говоря, от Птицы невозможно было оторвать глаз – до того она была хороша, сидя в седле, в своих горчичных шароварах и выглядывающей из-под ковбойки лиловой маечке; ее ноги, обутые в белые кроссовки, уверенно упирались в стремяна, руки без напряжения сжимали поводья.

За то время, пока мы собирались, она успела не только сесть в седло и сделать легкую выездку, но и по-своему «побеседовать» с пленной молоденькой амазонкой по имени Ия, и выяснить предполагаемый маршрут каравана амазонок. Тут я еще подумал, что совсем неплохо было бы устроить засаду и перебить заодно и тевтонскую торговую делегацию, потому что живые и дееспособные тевтоны поблизости нам и даром не сдались. Как говорится – на войне как

на войне.

Лошади бодро шли по следу, оставленному амазонками, время от времени переходя на легкую рысь, делая примерно по десять-двенадцать километров в час. Таким темпом мы должны были быстро настичь караван амазонок и устроить ему «проверку на дорогах». Немного напрягало то, что опять придется воевать с бабами – нет, даже не с бабами, а с молоденькими девчонками, но это, очевидно, такая карма, потому что Птица сказала, что нас самих тоже не ждало ничего хорошего, попади мы живыми к ним в руки.

Эта Ия выглядит ангелочек ангелочком, но покуражиться над беззащитным может так, что куда там какому-нибудь Чикатило. Одним словом, любая жалость в этом деле может быть вредной для здоровья, и племя дочерей этой Кибелы с каждым таким фактом кажется мне все менее привлекательным. Нет, я уж лучше постою в сторонке, прежде чем с размаху вляпаться в такое дерьмо. Птица сказала мне, что на фоне некоторых воспоминаний атаманши, которая носила громкое имя Афанасия, даже тевтоны кажутся милыми и симпатичными существами, если бы не их прибабах в виде херра Тойфеля. Так что ушки надо держать на макушке и не расслабляться, по крайней мере до тех пор, пока Птица не подгребет под себя их души, обеспечив таким образом полную лояльность. В ответ на эту идею Птица сказала, что она скорее наестся навоза, чем возьмет под свою опеку душу Афанасии. По крайней мере, навоз не виноват в том, что он

такой противный и вонючий, чего нельзя сказать о людях, которые добровольно, из-за денег или со скуки, пошли на службу злу.

Дневную стоянку шайки амазонок мы обнаружили примерно часа через полтора после выезда из лагеря. С вершины пригорка, где-то в километре от нас, мы увидели тонкий вьющийся дымок из-под кроны высокого пышного дерева. Внимательно рассмотрев противника в бинокль, я увидел четырех верховых, двоих пеших и нескольких животных, отдаленно похожих на ослов, которые были привязаны к древесному стволу.

Верховые амазонки были, как обычно, вооружены короткими наборными луками для стрельбы с коня. Несмотря на то, что плечи таких луков невероятно туги, энергия выстрела из них не превышает одной десятой энергии выстрела из пистолета Макарова, то есть тридцать-пятьдесят джоулей. Летит стрела из такого лука метров на сто пятьдесят, убойную силу сохраняет при дистанции до семидесяти метров, а прицельно можно стрелять не более чем на тридцать метров, дальше возможна только массовая стрельба залпами примерно в направлении цели. У нашего же «Вала» прицельная дальность двести метров, а убойная четыреста. «Винторез» Кобры еще точнее и мощнее. Если мы сумеем незамеченными подобраться к противнику на дистанцию в диапазоне от двухсот до пятидесяти метров, то сможем быстро и без проблем перестрелять всех амазонок, сами не очень-то рискуя

попасть под ответную стрелу.

Взять их не представляло особого труда, но что делать, если при приближении незнакомцев конвой просто перебьет пленников и попробует рассыпаться по степи? В здешних реалиях это обычное дело, и мне не хотелось бы напрасно рисковать жизнями моих возможных соотечественников. И то, что мы все равно перестреляем всех амазонок до единой, ничуть не поможет вернуть к жизни тех, кого мы можем потерять из-за торопливости и нераспорядительности.

Спешившись, я приказал Птице оставаться тут вместе с нашими лошадьми и не отвечивать, после чего, отдав ей поводья коней, мы вместе с Доком, Коброй и Бухгалтером накинули «лохматки» и рванули вперед на своих двоих аллюром, который у знающих людей именуется «волчий скак». По скорости передвижения такой прием не очень-то и уступит конской рыси, тем более, что мы с парнями после конной прогулки были совсем свежими. Первые пятьсот метров мы передвигались так, а потом короткими перебежками от укрытия к укрытию, стараясь быть как можно более незаметными. И вот он, заветный пригорок, метрах в ста пятидесяти от цели. И верховые амазонки, и пешие пленники – действительно, мужчина и женщина в серо-голубых комбинезонах вполне современного покроя – у нас как на ладони, а в оптический прицел у бабы видны даже черты довольно симпатичного лица.

В тот момент, когда у нас все уже было готово, баба в ком-

бинезоне вдруг начала препираться с одной из амазонок, и та, недолго думая, ожгла ее поперек спины плетью. Практически тут же раздалось наше фирменное: «Хлоп», «Хлоп», «Хлоп», «Хлоп» и амазонки одна за другой попадали из седел. Короче, Кобра и Бухгалтер в темпе вальса сняли всех четверых: она из «Винтореза», он из «Вала», после чего нам с Доком осталось только дать сигнал Птице, после чего подойти к стоянке и забрать со стола банк, то есть так интересующих нас возможных соотечественников.

Уже потом, когда спала горячка, я вдруг понял, что начал черстветь среди всех этих баб. Раньше бы у меня не получилось убивать женщин с такой легкостью, как сегодня. А теперь смотри ж ты – все четверо амазонок на стоянке были или мертвы, или ранены так тяжело, что нуждались уже не в перевязке, а только в ударе милосердия, который бы выпустил души из их тел быстро и без лишних мучений.

* * *

Анна Сергеевна Струмилина

Капитан Серегин вышел на связь и сообщил мне, что все – дело сделано, и сейчас мы идем, а точнее едем к каравану – знакомиться с теми, кого так старательно освобождали. Вот там-то для меня и начнется главная работа – читать мысли пленника и пленницы, и пересказывать их нашему командиру. Хотя этим приемом нежелательно пользоваться слишком

часто, ибо возникшая в процессе работы стойкая головная боль будет потом обеспечена надолго. Сам Серегин и все его орлы уже там, и ждут только меня.

А там, на стоянке амазонок, жизнь была ключом и картина была писана маслом. Первое, что мне бросилось в глаза – привязанные под деревом ослики оказались вовсе не осликами, а странными коренастыми и ушастыми животными с тремя опорными пальцами на передних и задних ногах, покрытыми прочными роговыми копытами, еще два пальца были недоразвиты и свисали по бокам, не доставая до земли. Довершал картину длинный хвост с кисточкой на конце, которым эти милые создания, тяжело навьюченные, отмахивались от докучливых насекомых.

Но, конечно же, не эти недолошади-недоослы оказались здесь центральными фигурами. Сам Серегин и прочие его орлы собрались вокруг тех двоих в комбинезонах, и сейчас оттуда доносились чисто отечественные экспрессивные речевые конструкции, насквозь цензурные, но, тем не менее, сочные и колоритные, произносимые грудным чуть хриловатым женским голосом. Очевидно, предчувствие капитана оправдались, и те двое таинственных пленников все-таки оказались нашими соотечественниками. Но только почему же наш капитан, обычно не такой уж и скромный в присутствии дам, никак не отвечает экспрессивной даме, в основном ограничиваясь какими-то односложными репликами?

Но чем ближе я подъезжала к этой компании, тем силь-

нее было ощущение, что тут что-то не так, а фраза, произнесенная незнакомым мужским фальцетом: «Да позвольте же наконец спросить, господа?!», как мне показалось, разом поставила все на свои места. Примерно так говорили герои фильмов и сериалов, действие которых происходило в России в дореволюционные времена. Наверное, поэтому Серегин и взял паузу, пытаясь осмыслить новую для себя ситуацию, дожидаясь моего прибытия, как персоны, способной разрешить почти любое затруднение и убедиться в правдивости или неправдивости полученной информации.

– Ну вот, госпожа штурм-капитан, – с некоторым сарказмом сказал Серегин, – наконец прибыла наша божественная Анна, и сейчас у нас с вами все будет окончательно ясно...

С высоты седла я пыталась рассмотреть ту особу, которая заставила вечно самоуверенного Серегина стушеваться и перейти от нападения к обороне. Увиденное выглядело весьма необычно. Высокая коротко стриженная блондинка, лет тридцати от роду, с большими полушариями груди, узкой талией и широкими бедрами, ростом вровень с самыми высокими из наших мужиков. Над этим телом явно поработали хорошие специалисты. Осанка и мимика лица у этой дамы были как у человека, уверенного в своем высоком положении и праве повелевать, а серо-голубой, явно армейский, комбинезон с множеством карманов на самых разных местах был пошит из отличной и явно дорогой ткани, и сидел на фигуре как влитой. Короче, особа была еще та – эдакая моло-

дая Екатерина Великая, улучшенная и осовремененная, так сказать – в стиле модерн.

Я сразу же поняла, что мы с ней едва ли станем подругами. Нет, не потому, что она плохая, а я хорошая, она глупая, а я умная (или наоборот, что, в общем-то, неважно). Просто мы с ней разные. Разные настолько, что даже пары точек соприкосновения не найдется в наших жизненных позициях. По крайней мере, на данный момент это так.

Мне и раньше встречались такие люди. Самая главная их отличительная особенность – это то, что они, будучи уверены в своей исключительности, старались убедить в этом других. Эти люди были способны проломить любую дверь только силой своего характера. Они могли быть милыми и очаровательными – но лишь с теми, от кого зависел их успех. Только такие люди умели виртуозно, соблюдая все внешние приличия, одним легким жестом, взглядом показать всю глубину презрения к тому, кто просто им несимпатичен... Именно личности такого склада выбиваются в начальники в нашем мире. Идти по головам, плести интриги, с легкостью отказываться от тех, кто стал уже не нужен – их фирменный стиль. Это люди-львы, собирающие вокруг себя подобострастное шакалье, и стремящиеся уничтожить любых конкурентов. Все, что есть на свете милого, трогательного и нежного, загнано ими в такие глубокие душевные тайники, и заперто на такое количество замков, что кажется, будто им и не доступны обычные человеческие порывы... Но я-то давно

знала, что это не так. Я догадывалась, что такие люди тоже страдают, что не чуждо им ничто человеческое. Но настолько они привыкают к своей роли непробиваемых истуканов, что достучаться до них очень трудно, почти невозможно. И должно произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы эти люди наконец выпустили на свободу всю свою человеческую суть...

Очевидно, эта мадам также испытывала ко мне далеко не самые дружелюбные чувства. За долю секунды она просканировала меня, моментально сделав вывод о том, что я из себя представляю. При этом я почувствовала исходящую от нее струю ледяного холода... Да-да, и это мне тоже было хорошо знакомо. Такое же примерно ощущение появляется, когда ты приходишь на собеседование к начальнику женского пола, и понимаешь, что он испытывает к тебе глубокую, ничем не объяснимую антипатию – смотрит вскользь и свысока, и слегка кривит губы. Но она не была начальницей, а я – соискательницей... Она не могла не понимать моего преимущества – ведь я была своей среди людей, которые вызвали ее.

Наконец она посмотрела мне в глаза и наши взгляды скрестились со звоном, как две стальные шпаги. Она была уверена в своем превосходстве, и пыталась подавить меня своей неслабой энергией – чуждой, и оттого очень неприятной мне. Но не более того. Эта голуба еще не знала, на что нарывается. Зацепившись взглядом за ее зрачки, я начала давить

всей силой своей воли, развитой в различных жизненных передрыгах, и всей мощью своего с каждым днем усиливающегося магического таланта.

Внезапно внутри этой женщины что-то хрупнуло и возникло такое ощущение, будто я с разбегу провалилась во внезапно отпертую дверь. За внешним барьером самоуверенности и гордыни у женщины, именующей себя княжна Елизавета Волконская, скрывалась довольно неплохая женщина, верующая в бога, веселая, приятная в некоторых отношениях и довольно компанейская, когда находилась в окружении людей своего круга. А то, что она начала орать на своего спасителя буквально через минуту после спасения, оказалось всего лишь защитной реакцией насмерть перепуганной женщины, ищущей опоры в истерике.

И вот теперь этот защитный пузырь лопнул, и передо мной, как на ладони, оказалась вся ее нежная и ранимая душа, спрятавшаяся за своим титулом и чином, как рак-отшельник прячет свое нежное брюшко в прочную, шипастую раковину, украшенную к тому же кусачей актинией. Всю жизнь, с детских лет, девочка Лиза просидела за этим барьером, отгораживаясь сначала от соучеников последовательно: в школе, женском кадетском корпусе, Петербургском летном юнкерском императорском училище, потом от сослуживцев в особом лейб-гвардейском транспортно-десантном Выборгском полку. Она просто хотела летать и ради этого была готова на все...

Тут у меня, фигурально говоря, банально шарики зашли за ролики. Ну не вязались все эти старорежимные до семнадцатого года слова и выражения – «княжны Волконские», «императорские», «лейб-гвардейские», «кадетские корпуса» и «юнкерские училища» – с извлеченным из ее памяти футуристическим видом летающей машины под названием «средний имперский штурмоносец «Богатырь», чем-то похожий на корабль капитана Хана Соло из «Звездных войн». Ну нифига себе! Отойдя от оторопи, я начала более тщательно рыться в памяти этой Елизаветы, стараясь при этом не расцепить взгляда и не упустить чего-то важного – и передо мной поплыли, где смутные, а где и очень яркие и сочные картины из памяти моей нынешней «клиентки».

С удивление я обнаружила поразившую меня вещь. Все указывало на то, что Лиза и ее напарник происходят отнюдь не из нашего мира, а из того, где и в начале двадцать первого века до сих пор существует Российская империя... Да неужели такое возможно?! Вот, еще один шок добавился в мою почти переполненную копилку потрясений...

Естественно, моя природная любознательность заставила меня подробней просмотреть память этой женщины. Нет, это же уму непостижимо – существует мир, в котором Россия является самой влиятельной и могущественной державой, раскинувшись от Аляски на востоке, до Польши на западе, и от Мурмана на севере до порта императора Михаила на жарком персидском побережье Индийского океана!

Как же такое могло случиться, ведь нас долго и упорно убеждали, что история не имеет сослагательного наклонения? То, что я обнаружила, просто ошеломило меня. Оказывается там, в том мире, ничего не слышали ни о каких революциях, типа Октябрьской, Февральской, вкуче с революцией 1905 года, а император Николай II не был расстрелян в подвале Ипатьевского дома, а значительно раньше погиб под бомбами террористов. Воцарившийся же после него брат Михаил правил с такой твердостью, что остался в истории с прозвищем Лютый, и он же, тем не менее, построил в России самый настоящий гуманный социализм с человеческим лицом...

Получив эту информацию, я поняла, что заниматься дальше этим вот так, стоя на ногах, было просто бессмысленно, информация повторялась, накладывалась слоями, и к тому же и я и Лиза начали очень сильно уставать. Лучше просто потом выбрать время и побеседовать с этой девушкой на исторические темы, лишь изредка пользуясь моим даром для того, чтобы улавливать тонкие оттенки ответов и господствующие в ее сознании ассоциации.

Прервав контакт, я тряхнула головой и устало посмотрела на нашего командира, сказав:

– Сергей Сергеич, в двух словах этого не рассказать, но явно эти двое происходят совсем не из нашего мира... Настолько не нашего, что даже трудно и осознать. Сергей Сергеич, в этом деле надо тщательно разбираться, и я даже не

знаю, сможем мы найти общий язык с этими людьми или нет.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Вот это был номер, и, кажется, не только для одного меня. У мадмуазель Волконской тоже был вид, как у гусыни, попавшей на заседание куриного ареопага – шея вытянута, глаза выпучены.

– Э-э-э, капитан, – растерянно произнесла она, – как это так, что мы не из вашего мира? А откуда же тогда вы взялись, позвольте узнать?

– А вот так – из другого, и все! – вместо меня ответила Птица, спешиваясь со своей Звездочки при помощи Дока. – Видимо, Джордано Бруно все-таки был прав, говоря о множественности обитаемых миров, хотя и несколько не в том смысле, какой имел в виду. Так что вы, Елизавета Дмитриевна, лучше давайте расслабьтесь и примите все происходящее тут как неизменную данность, в которой есть как минимум три мира: ваш, наш и этот, лежащий ниже их. А там, где три, там их и миллион, – тут она слегка улыбнулась, в учительской манере поднимая палец кверху (только очков не хватает!) – ладно, приедем в лагерь, зададим вопрос отцу Александру, и, может быть, услышим от него очередное Откровение. Есть много, знаете ли, уважаемая Елизавета Дмитриевна, такого, что и не снилось и нашим, и вашим мудрецам...

И при этих словах наша педагогиня с наигранным глубокомыслием подняла глаза вверх и развела руками. Ох уж эта Птица – иногда на нее находит такая игривость, что наблюдать за ней одно удовольствие... Жаль, такие моменты случаются не так часто, как мне хотелось бы.

– Но постойте-постойте, – взволнованно прервала Птицу мадмуазель Волконская, – вы считаете, что мы сейчас находимся не в своем, а каком-то другом, отличном от него, мире? Скажу честно – ничего не понимаю!

Она затрясла своими короткими кудрями – такая милая, неосознанная ужимка, наполнившая ее женственной прелестью...

– А черт его знает, в каком мире мы сейчас находимся. Мы и сами в этом как следует не разобрались, – ответил я Волконской, сделав Доку знак, чтобы он скомандовал ребятам собираться в обратный путь, – но только это явно не тот мир, откуда родом я и мои люди, и, как уверяет наша уважаемая Анна Сергеевна, совсем не тот, откуда родом вы двое. А наша Анна знает, что говорит.

Птица пожала плечами и произнесла:

– Мы все договорились считать этот мир Темным или Нижним, в отличие от нашего Верхнего и Светлого мира. Но все эти сравнения и термины умозрительны, и спорить о них можно до бесконечности. Удобнее это будет делать, удобно расположившись у нас в лагере, за кружкой горячего чая, чем здесь, стоя прямо посреди степи. Предлагаю свернуть

дискуссию и выдвигаться, чтобы до темноты быть на месте. Кроме всего прочего, там вы получите горячий ужин, не менее горячий прием и вполне обстоятельное объяснение текущей ситуации, насколько мы сами ее понимаем.

– Вы так говорите, – набычилась мадмуазель Волконская, – как будто у нас с Андреем есть какой-либо выбор, и вы в любом случае не сопроводите нас в свой лагерь, используя вооруженную силу?

– Выбор есть всегда, никто вас силой принуждать не будет, – я философски пожал плечами, – если хотите – можете идти куда вам захочется – хоть на все четыре стороны. Только должен сказать, что этот мир весьма опасен для одиноких путников, и в этом вы, наверное, успели убедиться сами. Помимо разного рода отрядов уже известных вам амазонок и пока еще неизвестных тевтонов, весьма неодобрительно относящихся к любым чужакам, тут имеются еще и хищные звери, некоторые из которых достигают просто титанических размеров. Вы с вашим приятелем при случайной встрече будете им на один зуб... Безопасность в этом мире может быть обеспечена только вооруженной силой, и чем больше у вас будет этой силы, тем лучше для вас. Предлагаю вам присоединиться к нашему отряду для совместной защиты от грозящих нам всем возможных опасностей.

– Хорошо, – поежилась мадмуазель Волконская, которая явно все же согласилась с неизбежным, – я принимаю ваше приглашение и готова отправиться туда, куда вы укажете.

Только давайте договоримся без приставаний. У меня есть жених, и я его очень люблю и не хотела бы, чтобы у меня потом возникли какие-либо неприятности. И вообще я честная девушка...

В ответ на это заявление я только хмыкнул и произнес:

– Никаких приставаний не будет, Елизавета Дмитриевна. Для этого вы не туда попали. Когда окажетесь в нашем лагере – поймете почему. Там и без вас у нас хватает желающих прыгнуть в чью-нибудь постель, а некоторые еще и дерутся за такую честь. Короче, женским вниманием мужская часть нашего отряда отнюдь не обделена, а если что-то пойдет не так, сообщите об этом Кобре – она быстренько разберется с охальником.

– Здесь такая, – отозвалась маячившая на заднем плане Кобра, сверкнув черными глазами, – ты это, подруга, подходи, если что, не стесняйся, я быстро объясню любому, для чего мужику нужны руки, а для чего ноги.

– Кстати, Елизавета Дмитриевна, – продолжил я, – если вы захотите облегчить душу, то в составе нашего отряда имеется самый настоящий православный священник, а в случае, если ваша исповедь будет особо интересна, то на огонек к нам может заглянуть и сам отец небесный, для того чтобы дать вам несколько советов.

– Не поняла, – вскинула на меня глаза мадмуазель Волконская, – кто заглянет?

Вместо меня устало вздохнула Птица.

– Это магический мир, милая Елизавета Дмитриевна, – терпеливо начала она объяснять мадмуазель Волконской местную политику партии, – и тут возможны многие события, которые нам с вами известны по большей части из сказок, легенд, ну и еще немного из христианского Священного писания. В одной части этого мира правит бал Сатана, точнее, отрезанная от него сущность, превратившаяся здесь в абсолютное зло локального значения. В другой части мира обитают античные боги, и с некоторыми из них нам уже довелось свести шапочное знакомство. Кроме этого, через нашего священника отца Александра с нами иногда разговаривает его прямой и непосредственный начальник, успевший до икоты запугать как античных богов, так и местное отродье Сатаны. Также в нашей команде есть одиннадцатилетний мальчик, который на самом деле оказался талантливым магом, и сейчас он учится сотрясать горы и обрушивать на землю небо. Ну и я тоже кое-что могу. Например, считать незнакомый язык из сознания человека или полностью прочесть его мысли и память, что мне и пришлось проделать с вами в первые минуты знакомства. Складывая наши силы, способности и таланты для общего блага, мы сумели составить такой коллектив, что большинство сильных мира сего опасаются с нами связываться, а те, что не опасались, уже давно в этом раскаялись. Если вы хотите быть с нами – тогда добро пожаловать, а если нет, то мне вас искреннее жаль. Долго вы здесь в степях одна или даже со своим спутником

не протянете.

– Хорошо, – тряхнула головой мадмуазель Волконская, болезненно скривившись, – как бы невероятно это ни звучало, Анна Сергеевна, но я склонна вам поверить. Только, если можно, предоставьте мне лошадь, если у вас под рукой нет никакого иного транспорта поцивилизованней.

– Да ради Бога, Елизавета Дмитриевна, – ответил я, подстраиваясь под ее стиль, – берите любую лошадь амазонок на выбор. Своим бывшим хозяйкам они уж точно не понадобятся. А сейчас прошу меня извинить – мне надо заняться другими делами.

Пока мы с Птицей и Коброй разбирались с мадмуазель Волконской и ее незаметным, чем-то неуловимо похожим на Антона, спутником, Док и Бухгалтер с увлечением потрошили навьюченную на «осликов» поклажу, и груз этот заслуживал отдельного «доброго» слова.

М-да, больше всего это было похоже на то, что амазонки нашли современную нам свалку и хорошенько на ней порылись в поисках самых нелепых и ненужных вещей. Пищевых отходов и дырявых галош, конечно, не было, но остальное... Полный антиквариат соседствовал с хайтеком, непонятным даже нам. Ржавое огнестрельное оружие без патронов, сотовые телефоны без батарей, и тут же вполне годные калькуляторы на солнечных элементах и печатная машинка с латинским шрифтом тысяча девятьсот лохматого года выпуска. Иногда это были просто печатные платы от радиоаппа-

ратуры непонятного назначения, а иногда даже и книги на различных языках, в том числе и незнакомых никому из тут присутствующих.

Очевидно, что, не умея разобраться в ценности и нужности артефактов совершенно чуждой им технической культуры, амазонки тащили тевтонам на обмен все подряд в надежде, что клиенту понадобится хоть что-то. Правда, часть вещей была подозрительно новой и даже в фирменной упаковке, как, например, пара новеньких ноутбуков в симпатичных кожаных чемоданчиках или запаянные в хрустящие пакеты комплекты женского нижнего белья. Возблагодарив Всевышнего за то, что я пока не послушался Птицы и еще не приказал перерезать Афанасии глотку (так что у нас еще есть у кого спросить о том, откуда амазонки взяли все эти вещи), я распорядился выкидывать на землю всякое барахло, оставляя только то, что будет, безусловно, полезным для нас в дальнейшем походе. К радости «осликов», таких вещей оказалось немного, и их поклажа облегчилась настолько, что можно сказать, они оказались почти налегке.

Вся эта сортировка-переупаковка длилась примерно минут пятнадцать. Ну, а потом, перекрестившись и сказав «прощай» этому месту, мы, посадив наших спасенных в седла, выступили в обратный путь. Пора было возвращаться к своим. И хоть чисто по-человечески мы поступили вполне правильно, но терзали меня смутные сомнения, что наплачемся мы еще с этими «соотечественниками», которые нам

совсем не соотечественники. Уж больно гонористой и агрессивной бабой оказалась эта Елизавета Волконская, со своим аристократическим эго не вписываясь в наш отряд ни по каким параметрам. Как круглый чемодан без ручки. Бедная Птица, ведь с этой дамочкой иметь дело придется в основном именно ей. Хотя, может быть, и есть в этом какой-то смысл, особенно если даже такого неудобного человека мы сумеем обтесать и вставить в общие рамки. Пути Всевышнего неисповедимы, и иногда, как мне кажется, даже для него самого.

* * *

Княжна Елизавета Волконская, штурм-капитан ВКС Российской Империи

В тот день, казалось, ничего не предвещало беды. Подумаешь, задание – забрать на Санкт-Петербургских императорских воздушных верфях полностью снаряженный средний штурмоносец и перегнать его на нашу передовую базу в одной южноамериканской дыре, где наши по приказу императора изображали силы по поддержанию мира, не давая сцепиться дружественным нам бразильцам и подзуживаемым янки аргентинцам, а также гоняют по пампасам местных наркобаронов. Техника на этот перелет мне дали совсем молоденького, но дело вроде знающего, только совсем недавно закончившего школу прапорщиков, и теперь старательно до приторности. Но это ничего – важности и гонору у ме-

ня хватит на двоих.

Вечно меня гоняют по всяким таким поручениям: Волконская туда, Волконская сюда, Волконская подай-принеси, пошла вон и не мешайся под ногами. Знают, что из-за моей фамилии, а главное, из-за моего папеньки, служащего в тишайшем госбезопасном заведении, местное начальство – например, на все тех же воздушных верфях – спорить со мной не будет, укомплектует машину как положено, и в кратчайшие сроки исправит все указанные мною недоделки, потому что я дотошная, старательная, и спорить со мной себе дороже. Зато у такого рода заданий есть один, но жирный плюс – можно забежать домой повидать папеньку с маменькой, а также прошвырнуться по Невскому, накупив в тамошних магазинах гостинцев боевым подругам и некоторым друзьям. Ведь я же Волконская или нет?

Ну да, это я уже говорила. А вот как идти в бой, так Волконская – посиди на базе, а на дело идут сиротки-янычарки из первого кадетского корпуса имени генералиссимуса Суворова. Девки они крутые, и за нашего любимого императора Алексея II любому супостату задницу готовы порвать на британский флаг – этого у них не отнять. Девицы-смолянки там и рядом не стояли, да и учат в суворовском далеко не на фрейлин, а на пилотов штурмоносцев и десантных транспортников (которые в России поголовно все бабы), снайперов, связистов-радиистов, корректировщиц огня, шифровальщиц и немного на медсестер и фельдшеров. Я

ведь тоже не хуже их, и за Родину и Императора готова и в огонь, и в воду, и разные морды, подвыпив, бить умею, не уступая в этом нашим мужикам из десанта – а вот, поди ж ты, не держат меня за свою, и все.

Все это потому, что у нас в империи воинская служба для дворянства и особенно высшей аристократии – явление необходимое и поощряемое государством. Если б родилась я лет сто пятьдесят назад, то, как ворчит мой папенька – проводила бы жизнь свою в праздности и неге, в промежутках между балами меняя любовников.

Но сейчас – это вам не тогда, и если не хочешь, чтобы тебя вычеркнули из бархатной книги, то изволь служить, и служить на совесть, как завещал нам живший около века тому назад император Михаил, за свои деяния удостоившийся официального титула Великий, и неофициального прозвища Лютый. Ох, и пролилось тогда кровушки всяческих упрямцев! Читаешь книжки какого-нибудь Каргопольского о тех временах и жутко становится.

Хотя папенька, как лицо, допущенное к архивам (а стало быть, весьма осведомленное), имеет честь утверждать, что не так уж был и страшен император Михаил, как его малюют всякие либеральные писаки, отчего-то для своего постоянного проживания выбравшие Лондон и Нью-Йорк. И опричники его из госбезопасности никого в Финском заливе в баржах не топили, и головы он своим врагам собственноручно не рубил... Ну это ладно, опять я увлеклась папень-

киным политическим брюзжанием. Ну, и правильно – какими бы те времена ни были, но империю самодержец Михаил отгрохал такую, что с нами в открытую не то что воевать, а и даже спорить боятся. В разных горячих точках и в операциях по принуждению к миру участвует только спецназ вроде нас, военно-морской флот, да еще бомбардировщики, способные достать супостата в любой точке земного шара.

Короче, приемка штурмоноса, который я должна была перегонять, не отняла у меня слишком много времени, хотя я сама излазила все закоулки машины. Техник техником, но в полете за все отвечает пилот, а я никогда не хотела иметь бледный вид перед начальством и подпорченный послужной список. Или чтобы однажды в наш дом привезли наглухо запаянный гроб с горелой землей с места крушения. Валгалла меня еще подождет. Вдобавок ко всему, то же начальство, узнав о моем внеочередном рейсе, загрузило в десантный трюм несколько тонн всякой всячины по линии обеспечения действий ограниченного контингента наших войск. И это, не считая полного ротного комплекта десантно-штурмовой экипировки, который должен присутствовать на борту в обязательном порядке.

Вертикальный взлет и переход в режим суборбитального прыжка прошли нормально. Больше всего в дальних перелетах я люблю как раз такие моменты – когда земля с грохотом проваливается куда-то вниз, перегрузка сдавливает грудь, небо впереди из голубого становится, сперва тем-

но-синим, потом фиолетовым, ну а потом уже и черным с яркой россыпью звезд, которым совсем не мешает свет яркого солнца. Минут двадцать или около того невесомость, а потом на тело снова наваливается перегрузка, предупреждая о том, что пора бы уже готовиться к посадке. И в этот раз все прошло почти как обычно, за исключением того, что над нашей передовой базой бушевала сильная гроза. Но и это тоже не было особой помехой – штурмоносец машина прочная, с надежными навигационными системами и, как уверяют некоторые, способная пролететь насквозь даже тропический тайфун.

Но в этот раз все пошло совсем не так. В сердце грозы мы вошли уже на аэродинамике, сбросив скорость до каких-то пятисот верст в час. И то, слава Богу, иначе бы нам не уцелеть. Ведь едва только за обзорными экранами кабины начали плясать мощнейшие ветвистые молнии, как сразу же вышла из строя навигационная система, которая стала утверждать, что мы в точке, все координаты которой равны нулям, а также пропала местная связь с передовой базой, и спутниковая с Санкт-Петербургом. Автопилот всхлипнул в недоумении и отключился, а мне пришлось срочно хвататься за ручное управление и переходить в горизонтальный полет.

Сразу после этого гроза как-то странно быстро кончилась и я обнаружила, что лечу над бескрайней степью, покрытой высокими деревьями, без всяких признаков дорог, людей и прочих примет цивилизации. Как я ни надрывалась, вызы-

вая хоть кого-нибудь, ответа не было, и в эфире стояла полная тишина. Наконец я увидела группу людей, гарцующих на лошадях и решила произвести посадку неподалеку от их лагеря, для того чтобы спросить, куда нас занесло и что тут, черт возьми, происходит.

Язык их был похож на древнегреческий, который я, по настоянию моей маменьки, учила еще в гимназии, и тогда я еще подумала, что могут делать греки, а особенно их женщины, где-нибудь в аргентинских пампасах. Иллюзии мои продлились очень недолго. Вместо того чтобы вступить с нами в цивилизованные переговоры, эти подлые сучки, ни слова не говоря, захлестнули нас с прапорщиком Пихоцким своими арканами, а потом связали по рукам и ногам. Так мы стали пленниками каких-то сумасшедших, и начали свой путь в неизвестность в компании безумных стерв, не отвечавших на наши вопросы и вообще не желавших с нами разговаривать.

Потом я много раз корила себя за беспечность и самонадеянность, что сунулась к незнакомым людям без прикрытия и надежно спрятанного оружия. Но тут дело, наверное, в том, что уже много лет никто не рисковал напасть на офицеров ВКС, не желая связываться с той вендеттой, которую наш император может объявить обидчикам своих людей. Пока не был установлен такой порядок, имперские «янычары» из десантно-штурмовых войск вырезали целые кланы и обращали в прах племена, вбивая в дикие головы понятие о том, что

подданные Российской империи для них неприкосновенны. Когда все всё поняли – мы, русские, могли чувствовать себя в относительной безопасности в любой точке земного шара. Вот это чувство меня и подвело. Я-то думала, что мы все еще находимся на Земле, а это был уже другой мир, куда более жестокий и кровожадный. Мои бедные папенька и маменька – как они, должно быть, волнуются за свою непутевую дочь!

Но плен наш продлился очень недолго. Уже на третьи сутки мы с Пихоцким оказались на свободе. Сперва большая часть наших охранниц куда-то ускакала, оставив рядом с нами всего четверых, которые тут же встали на бивак под высоким деревом. Прошло еще несколько часов, как вдруг раздались негромкие хлопки, и все охранявшие нас вооруженные женщины одна за другой упали с лошадей на землю и тут же умерли. Все раны им были нанесены в голову и область сердца, и смерть их была очень быстрой и безболезненной. Я смотрела на то, что еще совсем недавно было живыми женщинами, и в моем сердце не было никакой жалости. Они незаконно лишили меня свободы, они издевались надо мной и даже били плетью – и последовавшее за этим наказание казалось мне вполне заслуженным.

Потом, к моему величайшему удивлению, со всех сторон нас окружили разговаривающие по-русски люди самого решительного и угрожающего вида, по своему поведению и экипировке чем-то напоминающие егерей имперского корпуса Дальней разведки. И только допотопное пулевое ору-

жие, да еще некоторые анахронизмы говорили о том, что это отнюдь не наши имперские бойцы. Особенно впечатляла женщина с позывным «Кобра», которая была в этом отряде снайпером и с легкостью управлялась с не самой совершенной бесшумной пулевой винтовкой, именуемой ею «Винторез». Подумаешь, унитарные патроны на бездымном порохе. У нас в империи, прежде чем окончательно уйти в историю, пулевое оружие успело перейти на жидкий метатель с переменным объемом подаваемого заряда... Вот так.

Вообще-то, если сказать честно, сперва я вообще не понимала ничего из происходящего. Ни того, где мы находимся, ни того, кто те люди, которые нас захватили, и чего они от нас хотят. И только явление капитана Серегина и некоей Анны Сергеевны (дамы нетитулованной, но настолько преисполненной чувством собственной важности, что о ее благородном происхождении можно было и не спрашивать), расставило все на свои места, а то, что они мне сообщили, повергло меня в глубочайший шок.

Главная новость заключалась в том, что мы находимся в другом мире, где действует магия, как в старых британских сказках... Тут, в этом мире, обитают античные греко-римские боги и сатана правит свой кровавый бал, а сама Анна Сергеевна – не более, но и не менее – умеет читать человеческие мысли и готовится в будущем стать самой настоящей богиней. С ума сойти! Пока это для меня только слова, но явно же видно, что люди, рассказывающие об этом, сами ве-

рят в то, что говорят. Сказки – тем более страшные – хорошо читать вечером, на сон грядущий, сидя в теплой и уютной комнате, а попадать в них собственной персоной – такого не пожелаешь и врагу. А тут как раз и было самое настоящее попадание в сказку по принципу – то ли еще будет, ой-ой-ой.

Есть у меня такая особенность – когда я смотрю на человека, то вижу, правду он мне говорит или врет. И ни разу это чувство меня еще не обмануло, хотя есть у него и другая сторона. Очень тяжело на свете жить красивой девушке из знатной и богатой семьи, когда она точно знает, что вьющихся вокруг нее кавалеров интересуется не она сама, и даже не ее соблазнительное тело, а деньги семьи и возможность хоть каким-то образом через это знакомство проникнуть в высшие круги российской аристократии. Фу, мерзость.

Так вот – и эта Анна Сергеевна, и капитан Серегин, и все остальные думали и говорили одно и то же, без всяких потаенных мыслей. Обычно, когда врут, я не могу знать, в чем именно заключается ложь, а чувствую лишь, что на уме совсем не то, что на языке. Кстати, с этой Анной надо быть поосторожней, ведь она умеет читать мысли и воспоминания, но только далеко не всегда снисходит до этого занятия. Княжна Волконская ведь не кто-нибудь, и поэтому мои мысли она прочтет обязательно. Скрывать мне особенно нечего, но это как-то не совсем удобно – все равно что ходить голой перед посторонним человеком...

Анна Сергеевна Струмилина

Мадмуазель Волконская, как называет эту особу Серегин, считает, что я теперь постоянно буду подслушивать ее мысли. Глупость какая! Делать это без особой необходимости крайне неприлично, и к тому же процесс прослушивания мыслей ужасно утомителен и способен довести до приступа жуткой головной боли, так давящей на виски, что и думать невозможно.

Но поскольку Елизавета Дмитриевна – личность многогранная и довольно противоречивая, то из женского любопытства, после некоторых колебаний, я все же решилась сунуть свой нос внутрь ее черепушки – и получилось так, что узнала вещи, для всех нас не безынтересные...

Меня особо заинтересовала история ее попадания в этот мир, и в первую очередь мне хотелось бы знать, связана ли как-нибудь с этой историей способность мадмуазель Волконской на слух отличать правду от лжи. Правда, по ее же собственным мыслям, она не сможет определить ложь лишь в том случае, если человек не врет ей напрямую, а добросовестно заблуждается, но для проверки на вшивость приставучих кавалеров наличие таких способностей – более чем достаточно.

Но интересен другой момент. Получается так, что сюда в

основном заносит тех, у кого есть какие-то не совсем обычные способности... В нашей компании это были я и Дима, у спецназовцев – Ника, с особыми способностями которой пока ясно, что ничего не ясно, и сверхчувствительный на недобрый взгляд капитан Серегин. У наших новых знакомых такая особая способность нарисовалась у мадмуазель Елизаветы. Надо будет спросить у Димки совета по поводу нее. И так же, как и в нашем случае, при «попадании» мадмуазель Елизаветы и господина Пихоцкого тоже была чудовищная гроза, которая закончилась сразу после того, как дело было сделано, и в этом мире объявились новые гости.

Кстати, Волконская уверена, что тот аппарат, который она называет средним штурмоносцем, полностью исправен, заправлен и готов к полетам. Но об этом с ней и ее напарником пусть разговаривает капитан Серегин.

Все, что необходимо, я сообщу ему, когда мы вернемся в наш лагерь. А пока, поравнявшись с Лизой, я начинаю с ней прощупывающий светский разговор, заранее зная, что каждый мой ответ будет тщательно проанализирован ею на искренность.

Впрочем, светскую беседу первой начала как раз Елизавета, поравняв свою лошадь с моей и выдержав приличествующую случаю паузу.

– Анна Сергеевна, не так ли? – доброжелательно и немного смущенно спросила она. – Извините, что я к вам так попростому, но тут у нас не нашлось общих знакомых, которые

могли бы представить нас друг другу.

В ответ я только пожала плечами и ответила:

– Да ничего, Елизавета Дмитриевна. У нас, знаете ли, не принято так уж строго придерживаться формальностей. Люди знакомятся, когда им это надо и для этого им совсем не нужна помощь третьего человека. Тем более что обстоятельства, сопутствующие нашему знакомству, вполне можно счесть чрезвычайными.

– Я вас понимаю, Анна Сергеевна, хотя мне крайне трудно одобрить такой образ жизни, – задумчиво произнесла блондинка, – Мне лично очень не хотелось бы, чтобы любой хам запросто мог бы подойти ко мне и представиться, не спрашивая ничего разрешения.

– Ничего, – ответила я, – мы к этому привыкли, и каждый защищается как может. Наш мир отличается от вашего, и явно не в лучшую сторону, но это наш и только наш мир. По крайней мере, в нем можно знакомиться, не спрашивая ни у кого разрешения. Кстати, рассказать вам анекдот про двух англичан?

– Расскажите... – заинтересовалась Елизавета.

– Короче, два английских джентльмена попали на необитаемый остров и провели на нем десять лет, не сказав ни единого слова друг другу только потому, что не нашлось третьего джентльмена, который бы представил их друг другу.

– Да уж, англичане – они такие, – ответила Волконская, после чего на некоторое время наступила тишина, прерыва-

емая только топотом копыт. Моя собеседница явно обдумала свой следующий вопрос, но пока не решалась его задать. При этом я «видела» этот вопрос так четко, будто он написан у нее на лбу. И наконец Елизавета решилась.

– Анна Сергеевна, – спросила она, – капитан Серегин при первой нашей встрече назвал вас «ваша божественность». Это была шутка или как?

– Отчасти шутка, – ответила я, – отчасти «или как» – но только отчасти. В основном я еще только учусь, и паства моя не совсем добровольная, всего-то три с небольшим десятка душ.

– А почему не совсем добровольная? – в серых глазах Елизаветы зажегся огонек жгучего любопытства. – Я чувствую, что вы говорите мне правду, только не понимаю, как это может быть – недобровольная паства?

Я снова пожала плечами и начала обстоятельно разъяснять своей собеседнице местное мироустройство в свете взаимоотношения богов и верующих, закончив словами:

– Вы немного погодите – встретитесь еще с самыми настоящими античными божками. Может быть, даже и сегодня вечером. Мне кажется, что наш друг Гермесий повадился таскать сюда своих приятелей – возможно, чтобы познакомить их с нами, но скорее всего с целью показать им того, кого они называют «дядюшкой».

Выслушав мою речь, Елизавета замолчала, сделав вывод, что вся эта невероятная история не является ложью, и даль-

ше мы ехали молча бок о бок, думая каждая о своем. Но только все ее мысли, беспорядочно мечущиеся под черепной коробкой, сразу же становились мне известны, в том числе и та, что следующим ее собеседником станет капитан Серегин. Всех остальных присутствующих, кроме меня и его, она считала значительно ниже себя по положению, и не проявляла к ним никакого интереса, а отец Александр был для нее пока что чисто теоретической величиной. И самое главное, что Елизавета тоже знала о том, что я знаю. Эх, нелегко нам будет – двум умным женщинам вдвоем на считай что необитаемом острове.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Бывают новости, так сказать, теоретические, а бывают практические. Так вот, главную практическую новость этого дня я получил не от Птицы, на которую сильно рассчитывал, и не от мадмуазель Волконской, а от техника-прапорщика Андрюши Пихоцкого, существа мелкого, старательного, незлобливого, знающего свое дело, но уж больно говорливого. Кстати, в отличие от своей начальницы, в седле он сидел хуже любого из нас. Не он ехал на лошади, а она, можно сказать, везла его как обычный неодушевленный груз.

Он-то и рассказал мне о том, что где-то здесь поблизости, в одном-двух конных переходах, лежит целехонький, гото-

вый к действию средний имперский штурмоносец типа «Богатырь». Его слова сперва привели меня в состояние легкого недоумения, поскольку сие название мне ни о чем не говорило, но прапорщик Андрияша, захлебываясь восторгом и брызгая слюной, рассказал, до каких высот в их Российской империи дошла техническая мысль. Конечно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, но из рассказа техника-прапорщика было четко понятно, что эта машина вертикального взлета и посадки предназначена для переброски роты десанта, в том числе и на межконтинентальные расстояния, а также для последующей поддержки его высадки огнем бортового вооружения. При этом источником энергии для этого штурмоносца служил компактный термоядерный реактор, а двигателями – четыре антигравитационных импеллера, конструкции Шмидта-Дольского, мощность которых была достаточна для суборбитальных прыжков в пределах планеты или для выхода полностью загруженного штурмоносца на низкую круговую орбиту.

М-да, интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд. Вот вам и отсталый военно-феодальный монархический строй, о котором нам в один голос рассказывали и либеральные, и коммунистические пропагандисты.

Вопрос был только в том, согласится ли штурм-капитан Елизавета Волконская сотрудничать с выходцами из совсем иного мира, где вот уже почти сто лет нет никакой монархии, которой она присягала? Любая самая совершенная машина

без человека, умеющего ею управлять – всего лишь груду косной материи и больше ничего.

Так как извергаемые молодым человеком малозначительные технические подробности мне были больше неинтересны, я вскоре оставил Андриюшу Пихоцкого на попечение Бухгалтера и приблизился к мадмуазель Волконской. Та, оставив находящуюся в задумчивости Птицу, и мастерски управляя лошадю одними коленями – вся такая блистательная и великолепная – приблизилась ко мне, приветливо улыбаясь настоящей голливудской улыбкой. Дантист ее явно знал свое дело на пять с плюсом, и на все сто процентов отрабатывал свои немаленькие гонорары. Как говорится – на ловца и зверь бежит.

– Сергей Сергеевич, – немного кокетливо начала разговор мадам Волконская, – почему вы все время отворачиваетесь и не смотрите в мою сторону? Скажите, я вам не нравлюсь?

– Напротив, – ответил я, – но я забыл в лагере темные очки и теперь боюсь ослепнуть. Каждому мужчине, который подходит к вам ближе пяти метров, в качестве соблюдения техники безопасности следует сразу же вручать маску сварщика.

– А вы умеете делать комплименты, – по-кошачьи мурлыкнула Волконская, – до этого дня мне никто ничего подобного не говорил. Я запомню этот пассаж.

– Да на здоровье, – сказал я, – а если серьезно, то, если женщина распускает перышки перед почти незнакомым

мужчиной, то это значит, что ей от него что-то срочно надо, если, конечно, не считать случаев патологической скоропостижной влюбленности, но это не наш случай.

– Да, – согласилась Елизавета, склоняя голову к правому плечу и внимательно, с полуулыбкой, глядя на меня, – это не наш случай. Если уж вы такой проницательный, то тогда давайте поговорим как деловые партнеры, находящиеся в равном статусе, но неравном положении.

– Хорошо, – кивнул я, – давайте поговорим так. Звания у нас примерно одинаковые, зато возможности немного разные. У меня слаженное боевое подразделение с уже налаженной службой тыла, имеющее поддержку высших сил, а у вас всего один подчиненный и неизвестно где валяющийся этот, как его – «средний штурмоносец», до которого еще надо добраться без приключений.

– Я как раз, – поспешно парировала мадам Волконская, – планировала попросить вас выделить мне эскорт, чтобы я могла добраться до своего корабля и восстановить над ним контроль, после чего я смогла бы как следует с вами расплатиться.

– Э нет, – ответил я, – так дело не пойдет. Во-первых, даже добравшись до – как вы выразились – корабля, вы самостоятельно не сможете покинуть этот мир, а во-вторых, я считаю, что, разделившись, мы сильно уменьшим наши возможности. Предлагаю вам вступить в наш отряд на правах одного из моих заместителей: таких же, как Птица, Колдун и отец

Александр.

– Птица – это Анна Сергеевна? – уточнила мадам Волконская, приподняв бровь.

– Да, – ответил я и, хмыкнув, добавил, – а Колдун – это одиннадцатилетний мальчик. Но он очень способный маг, и судя по всему, именно у него могут оказаться ключи от ворот в другие миры. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы доставить его туда, пока не знаю куда, и обеспечить ему все условия для того, чтобы он мог сделать свое дело. Такая постановка вопроса вам понятна?

– Пожалуй, да, – немного подумав, ответила мадмуазель Волконская, затем опустила глаза и через мгновение снова пытливо посмотрела на меня, – вопрос только в том, сможете ли вы гарантировать нам возвращение обратно в наш мир, или все это останется только благими пожеланиями. Кстати, вы тоже можете уйти вместе с нами, империя будет рада бойцам такой квалификации и вы все сможете продолжить службу в корпусе Дальней разведки без понижения в звании и должности. По крайней мере, я обязуюсь поспособствовать этому через все мои связи и авторитет моего папеньки.

– В нашем случае гарантировать что-то может только Всевышний, и то не всегда, – философски произнес я, – а что касается ухода в ваш мир, то давайте не будем торопиться и как-нибудь поговорим об этом снова, если только появится такая возможность. Все же я присягал совсем другой России, дела в которой обстоят совсем не так хорошо, как у вас, и

моя помощь нужна там значительно сильнее.

– Договорились, капитан, – кивнула Волконская и протянула мне ладонь для рукопожатия, – давайте вернемся к этому разговору позже. Быть может, это мне придется уходить в ваш мир, а может, нам суждено наладить связь между двумя Россиями, что пойдет на пользу всем, кроме наших злейших врагов. А сейчас и в дальнейшем, несмотря на то, что мы равны в званиях, вы можете считать меня своей подчиненной со всеми вытекающими из этого положения вашими правами и моими обязанностями.

– Погодите, Елизавета Дмитриевна, – хитро улыбнулся я, – такое положение вещей вступит в силу, как только мы доберемся до вашего штурмоносца. А пока вы наша гостья со всеми вытекающими отсюда вашими правами и нашими обязанностями.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – ответила Волконская, – ловлю вас на слове и принимаю ваше приглашение.

И тут я с опозданием подумал, что теперь у меня будут лишние проблемы с влюбленной в меня Асей. Маленькая чертовка вряд ли одобрит мой последний демарш, и как бы она опять чего не учудила. Правда, Птица уверяет, что теперь, когда она получила желанное, это чувство быстро пойдет у нее на убыль, но чем не шутит черт, когда Всевышний отвлекается на мировые проблемы.

* * *

Княжна Елизавета Волконская, штурм-капитан ВКС Российской Империи

До лагеря отряда капитана Серегина мы добрались уже почти на самом закате, когда огромное ярко-красное солнце уже почти касалось горизонта, а тени вытягивались от него в бесконечность. Больше всего это походило на цыганский табор, уютно расположившийся в речной излучине. Дымили несколько костров и полевая кухня неизвестного мне образца, в воздухе висел запах дыма и густой наваристой каши с мясом. И от всего этого в животе у меня заурчало, а кишки начали выплясывать что-то испанское, постукивая кастаньетами. Возле кухни и костров деловито сновало множество молодых женщин и девушек-подростков, одетых в простые домотканые платья из льна и шерсти, несколько мальчишек сидели с удочками на берегу реки и с увлечением тягали из нее одну рыбешку за другой.

Почти идиллическую картину портили только выставленные оборонительным полукругом телеги, отделяющие стоянку от степи, да бдящие на постах вооруженные часовые. Помимо людей, в лагере и рядом с ним присутствовали многочисленные животные. Внутри ограды из телег находились в основном оседланные лошади и несколько дойных коров, а снаружи табун коней больше сотни голов, а также коровы,

овцы и козы. Если тут действительно дикий мир, в котором люди ездят на лошадях и убивают друг друга из луков (о магии пока говорить не будем), то по местным меркам отряд Серегина состоятелен и даже богат. У семьи моей маменьки, происходящей из рода Орловых, есть знаменитый на всю Империю племенной конезавод и в коневодстве я разбираюсь как минимум на уровне любителя. Некоторые лошади из того табуна своей статью и размерами напоминали рыцарских дестрие¹ Средневековья. Впрочем, лучшие из тех коней, массивные, с толстыми бабками, уже были у людей капитана Серегина под седлом.

– Военный трофей, – с некоторой ноткой самодовольства, похлопывая по шее вороного красавца, объяснил мне фельдфебель, которого все называли Док.

Да, лошади амазонок по сравнению с этими гигантами выглядели мелкими и суховатыми, но зато они не нуждались в запасах ячменя, необходимого тяжеловозам для того, чтобы поддерживать форму, в походе они вполне могли обходиться подножным кормом и требовали для себя меньше ухода и внимания. Впрочем, я бы тоже не отказалась от кобылы таких великанских статей, как это и приличествует даме знатного происхождения, потому что это знак высокого статуса и уважения, достойного княжны Волконской. Кстати, Ан-

¹ Дестрие – крупный боевой рыцарский конь, как правило, жеребец. Термин не подразумевает определённую породу, а характеризует определённые свойства коня, предпочтительные для использования его в турнирах. Дестрие достигал веса 800—1000 кг и более, и роста 175—200 см.

на Сергеевна (или Птица, как называет ее Серегин) ездит на прекрасно сложенной, но все же не такой статусной рыжей кобыле с ярко-белой звездой во лбу. Но, как я поняла, это не оттого, что она занимает в отряде какое-то низкое положение – совсем наоборот, ее положение почти такое же, как у Серегина, а в некоторых отношениях, может быть, даже и выше. Дело в том, что Анне Сергеевне с высочайшей колокольни наплевать на всю эту статусную показуху, чего она желает и всем остальным. Искренне завидую – я так не могу.

Просто с первого взгляда очень сложно определить внутреннюю иерархию и взаимоотношения внутри отряда Серегина, ведь я пока лично не знакома с еще двумя ключевыми персонажами – некими Колдуном и отцом Александром, о которых я уже так много наслышана. Кажется, это как раз они встречают нас там, где ряды телег заходят один за другой, образуя проход на внутреннюю территорию лагеря. Мужчина, одетый так же, как и большинство людей капитана Серегина, но только с полуседой бородой и большим, украшенным камнями, православным крестом на груди; а так же немного неуклюжий коренастый мальчик, десяти-двенадцати лет от роду, держащийся за руку мужчины.

Слова «одиннадцатилетний мальчик» обычно вызывают у меня только одну ассоциацию – маленький сорванец, шкода и ябеда, ибо таков мой двоюродный брат, единственный ребенок примерно такого возраста, которого я знала уже будучи взрослой. Тут явно был совсем другой случай – маль-

чик по имени Дмитрий совсем не походил на то ужасное рыжее растрепанное чудовище, которым был мой кузен. Совершенно по-взрослому пожал мне руку, он на мгновение задержал мою ладонь в своей, и при этом у меня по затылку будто побежали маленькие холодные мурашки, впрочем, исчезнувшие в тот момент, когда мальчик выпустил мою руку из своей. Что это было, я так и не поняла – могу только сказать, что еще ни разу в жизни не испытывала подобных ощущений.

Рукопожатие отца Александра ощущалось совсем по-иному, возникло ощущение легкого головокружения, трепета и эйфории. Рука его была мягкой, а голос успокаивающим. Некоторое время назад я даже сомневалась, будет ли полезен для мой души разговор со священником из иного мира, но теперь у меня разом пропали все сомнения, и я спросила у отца Александра о возможности поговорить с ним как с духовным лицом, наедине, для того, чтобы я могла облегчить перед ним свою душу и задать ему несколько смущающих меня вопросов.

– Хорошо, дочь моя, – ответил тот, на мгновение задумавшись, обволакивая меня теплым и ласковым светом своих голубых глаз (поистине такой взгляд бывает только у священника), – лучше всего сделать это прямо сейчас, потому что, как только стемнеет, у нас, вполне вероятно, опять будут немного незваные гости.

– А почему «немного незваные», батюшка? – удивилась я

странной формулировке.

Беседуя, мы медленно удалялись в сторону от основной группы людей капитана Серегина.

– А потому, – улыбнувшись, ответил священник, – что мы их никогда не зовем, но особых проблем их визиты нам не доставляют, а иногда от них даже бывает польза, вот потому они и «немного незваные».

– И что, правда, что один из этих гостей – сам древнегреческий бог Гермес? – задала я следующий вопрос, снедаемая любопытством.

– Правда, – серьезно ответил тот, задумчиво оглаживая бороду, – только вот сам эпитет не очень-то подходит старому плуту. Так, мелкий сводник и мошенник – почти что мальчик на побегушках. Впрочем, сегодня вечером вы, Елизавета Дмитриевна, сами все увидите и, может быть, даже пощупаете. А сейчас начинайте свой рассказ о том, как вы оказались здесь, и не стесняйтесь – никто нас теперь не услышит.

Только после этих слов я обратила внимание, что куда-то пропал шум, обычный для большого скопления народа; нас обволокла плотная, как ватное одеяло, почти ощутимая на ощупь тишина. Я посмотрела назад, желая убедиться, что мы отошли в сторону на два десятка шагов, а не на пару верст. И лагерь, и люди с животными оказались на месте, только теперь с их стороны к нам не долетало ни звука.

– Я поставил «полог молчания», – коротко объяснил свя-

щенник, – этому заклинанию обучил меня отрок Димитрий, и это одно из немногих заклинаний общей магии, которые приличествуют моему сану. Иногда мне надо принять исповедь, как сейчас, или просто помолиться наедине с собой и с богом, и тогда эта штука здорово меня выручает.

Надо же, какой необычный батюшка... Другой бы упал в обморок и впал в истерику только от одного слова «магия», не говоря уже и обо всем прочем. Кстати, есть у меня к нему еще один вопрос...

– Отче, – с придыханием произнесла я, – а правда, что вы собственноручно сразили и повергли в прах отродье самого дьявола?

– Сразил и поверг, дочь моя, – ответил тот, – и не одного, а как минимум трех. Одного очень сильного, который и затянул сюда всех нас, и двух других значительно слабее. Но основная заслуга в этом все же не моя – я был в этом деле всего лишь инструментом, проводником воли того, кто значительно выше, мудрее и сильнее меня, простого православного священника. Я понимаю, что тебя мучают ужасные сомнения, но если ты все же хочешь выслушать наш с ним совет, то давай наконец приступай к своей исповеди.

– Хорошо, отче, – сказала я и начала свой рассказ, который не буду приводить, потому что тайна исповеди для меня священна. Отец Александр, думаю, тоже не будет распространяться о том, что он от меня услышал. Говорила я примерно час или больше, и когда я наконец выложились вся до

дна и замолчала, закат на небе сменился глубокой звездной ночью, и только алая плоска вечерней зари на западной части горизонта указывала то место, куда закатилось дневное светило. Закончив дозволенные речи, я испытала необычайное облегчение и умиротворение – как говорила моя нянька в те времена, когда я была еще совсем ребенком: – «Будто Христос босиком по душе прошел».

Батюшка, выслушав меня, некоторое время помолчал, уйдя в себя, будто собирался с мыслями, или с кем-то советовался. Я с облегченной душой терпеливо ожидала его ответа, думая лишь о том, доведется ли мне теперь вернуться в родной мир и отчий дом, или же так и предстоит все оставшиеся мне дни скитаться по совершенно чужим для меня местам. Потом наконец, видимо, приняв какое-то определенное решение, он снова обратил внимание на мою скромную персону и заговорил, только на этот раз голос его был каким-то не таким, как раньше, и от его звуков кожу буквально обдавало морозной волной. И тут каким-то шестым чувством я поняла, что на этот раз со мной говорит отнюдь не отец Александр, и от волнения мне даже сдавило грудь...

– Знаешь что, дочь моя, – сказал этот голос, – тебя измерили, взвесили и сочли годной, несмотря на то, что ты еще не достигла совершенства. Оставь в прошлом свою гордыню, родовую спесь и гонор. Гордись только теми делами, что сделаны тобой лично, а подвиги предков – это теперь всего лишь история. Помни, что вместе с людьми Серегина ты си-

ла, способная свершить множество великих дел, а без них ты исчезающее малая величина, которую вихри грозных событий подхватят как пушинку и развеют в прах. Ты поняла меня, дочь моя?

– Поняла, Отче, – взмолилась я, дрожа всем телом; дыхание мое было хриплым и порывистым, – но ведь они из другого мира и совсем чужие для меня и всего, во что я верила с самого детства. Мы даже слов друг друга иногда не понимаем, не говоря уже о том, чтобы, как говорит капитан Серегин, разделить цели и задачи.

– Ты не права, дочь моя, – ответил мне тот же голос, – ты можешь и должна понять и полюбить их, потому что иначе, возможно, погибнешь ты, погибнут они, погибнет этот несчастный мир, а также множество других миров, среди которых и твой мир, единственный для тебя и неповторимый. На самом деле люди того мира не так уж сильно отличаются от твоих знакомых и друзей. Ты только присмотрись к ним внимательно и сама это увидишь. А теперь иди с Богом, дочь моя, делай, что должно и да свершится что суждено.

* * *

Анна Сергеевна Струмилина

Сразу, как только мадмуазель Волконская ушла на разговор с отцом Александром, Димка взял меня за рукав и потянул в другую сторону.

– Анна Сергеевна, Анна Сергеевна, – взволнованно зашептал он, – эта тетя Елизавета на самом деле совсем не то, чем она кажется, честное слово, совсем не то.

– А что же она тогда такое? – спросила я, – неужели переодетый дракон?

– Да нет! – мотнул головой Димка, – не дракон это точно, камень говорит, что у них совсем другие приметы. Просто она, так же как и тетя Ника, изнутри тоже значительно больше, чем снаружи, что может указывать на скрытую внутри нее магическую сущность или особые способности.

– А может, она беременна? – сказала я наугад, – вот тебе и дополнительная внутренняя сущность. Ведь живот у женщины в таких случаях тоже начинает расти далеко не сразу.

– Нет, – ответил мальчик, – беременность тут совсем ни при чем. Совсем другие изменения в ауре и внутренней энергетике. Разве что срок у нее очень ранний, а будущему ребенку предназначено стать величайшим магом всех времен и миров.

– Так значит, – полуутвердительно-полувопросительно произнесла я, – внутри мадмуазель Волконской скрываются какие-то необычайные магические способности?

– Вот именно, Анна Сергеевна, – обрадовался Димка моей догадливости, – точнее и не скажешь. Магические способности и так дело необычайное, но тут речь идет о такой их редкой форме, что я даже затрудняюсь назвать область их возможного приложения.

– А может, она тоже маг разума? – спросила я, – ведь может же чисто интуитивно отличать ложные утверждения от истинных и наоборот.

– Да нет, – отмахнулся Димка, – не то... Маг разума она слабенький, и ее очень легко обмануть, соврав не напрямую, а через кого-то, кто сам был обманут. Эту способность я прекрасно вижу, и она прикреплена совсем не в том месте, где сидит основной талант, который меня и беспокоит. К ней тоже надо подобрать ключ, и как можно скорее.

– Спасибо, Дима, что предупредил, – поблагодарила я мальчика и тут же спросила, – а без ключа ты не сможешь установить, какой у нее основной талант, или хотя бы к какой области магии он относится?

– Нет, Анна Сергеевна. Был бы я настоящим дипломированным магом с опытом и квалификацией, то тогда да, а поскольку я всего лишь мальчик, нахватавшийся верхушек из самоучителя, то я ничего не могу с этим сделать.

– Понятно, – ответила я, и, предупредив Димку, чтобы он стоял на этом месте и никуда не уходил, пошла искать капитана Серегина, чтобы сообщить ему «радостную» новость о наличии в нашем отряде еще одного не инициированного, но очень мощного мага, который, если что пойдет не так, разнесет в мелкие дребезги всех нас и еще пару-тройку сотен квадратных километров местной поверхности... Да нет, шутка. Конечно, я не сделаю этого – не собираюсь я создавать панику, выставляя себя истеричной душой. Но что-то

мне подсказывает, что необходимо предпринять некоторые действия, чтобы избежать нежелательных последствий...

У капитана Серегина были свои проблемы. Он никак не мог оторвать от себя вцепившуюся как клещ Асю, которая встречала своего героя так, как будто он только что спускался в логово дракона и живым и невредимым вернулся оттуда обратно.

Помимо выражения чувства радости от благополучного возвращения любимого героя, Ася успела устроить ему выяснение отношений по поводу нарисовавшейся в нашей компании мадмуазель Волконской. Она хмуро поглядывала на эту самую мадемуазель, спрашивая у Серегина, кто это, мол, такая. Он терпеливо все ей объяснял – вроде бы спокойно и без напряжения, но я-то чувствовала, как ему неловко. Уж да, Елизавета – это вам не древнеримская деревенщина Туллия. Это светская львица с хорошо развитым чувством собственной важности и умением нравиться мужчинам. И Ася безошибочно, каким-то врожденным женским чутьем поняла, что мадмуазель Волконской захочется пренебрежительно завоевать самого статусного мужчину в нашем сообществе.

Пришлось шугнуть малолетнюю влюбленную, чтобы она не доконала до конца нашего командира, но будьте уверены, едва только я скроюсь с горизонта, как тут же все начнется сначала. Но пока Серегин с явным облегчением посмотрел ей вслед, а потом спросил у меня, чем он обязан такой любезности.

Я, как могла, объяснила суть дела, указав взглядом на беседующих о чем-то своем отца Александра и мадмуазель Волконскую, и напомнив, что такая же проблема висит на Нике, о которой нам известно даже то, что ее стихия – огонь, с которым не шутят. Нужны амулеты! И чем скорее, тем лучше.

Вздыхнув, Серегин предложил пройти к Змею, который собирал у себя обменный фонд из разного рода побрякушек. Обычно все камешки и украшения, попавшие в наши руки, проверял Димка-Колдун, но сегодня он пока еще не брался за это дело в отношении тех вещей, которые мы забрали у разгромленной банды амазонок.

Я махнула рукой Димке, и мы втроем пошли искать Змея. Поскольку Земля круглая, а лагерь маленький, мы его, конечно же, довольно быстро нашли, поскольку он совсем не прятался, а уминал из котелка выданный поварами ужин из гороховой каши с мясом и овощами. Вкуснейшая, надо сказать каша, надо будет взять у Клавдии рецепт.

Услышав, зачем мы пришли, Змей отодвинул свой котелок, и со вздохом (не дают поесть человеку) извлек на свет божий из-за пазухи большой кисет с драгоценным конфискатом, после чего просто и незатейливо вывалил сокровища на пару миллионов долларов поверх чистой холстины, заменяющей ему скатерть. Димка тут же начал перебирать перстни, кулоны, печатки, цепные фероньерки и прочую дребедень, отличающуюся от бижутерии только ценами в условных еди-

ницах с четырьмя-пятью нулями.

Внезапно Димка, негромко вскрикнув, вытащил из общей кучи изящное украшение с одним крупным рубином и несколькими черными агатами поменьше, которое можно было носить и как кулон, и как фероньерку.

– Анна Сергеевна, – авторитетно заявил он, – вот эта штука наилучшим образом подойдет Нике. Для Елизаветы Дмитриевны тут, к сожалению, ничего нет. Нужен довольно крупный изумруд, форма не имеет значения. Товарищ капитан, наверное, надо пересмотреть наши старые запасы, взятые еще в разоренном селении и в ущелье.

– Если надо, то надо, – сказал Серегин, и мы пошли к специальной выючной лошади, на которой и хранилась наша казна. Дело в том, что весь мой подопечный контингент был полностью уверен, что на выюки этой пегой флегматичной кобылы наложено заклятье, которое при попытке прикоснуться к нашим сокровищам тут же разнесет нечестивца в мелкие клочья. На самом деле мы ничего такого смертоносного на казну не накладывали, просто немножечко внушения и заклинание, аналогичное охранной сигнализации нашего мира, к тому же со снотворным эффектом.

Казна, как и ожидалось, оказалась на месте, но одним кيسетом и куском полотна тут уже не обошлось. Я даже удивилась, когда узнала, сколько всякого полезного и бесполезного барахла порой таскают с собой разведчики. К числу таких предметов относился и большой отрез синтетического пара-

шютного шелка, на который Змей и вывалил из пары брезентовых мешков все конфискованные у покойных тевтонов сокровища.

Драгоценности в том или ином виде при обыске находили если не у каждого кнехта, то уж точно у каждого сержанта или офицера, поэтому выбор у Димки был весьма широкий. Все-таки богатую страну сумели разграбить тевтоны – раз и через несколько десятков лет эхо этого богатства все еще лазает по карманам тевтонских солдат.

В драгоценностях Димка рылся довольно долго, нашел несколько изумрудов, но они ему чем-то не подошли и он продолжал разыскивать свой идеал. Со стороны это выглядело, наверное, ужасным сумасшествием, но наши сердца были холодны к серебру и золоту – и сатане, наверное, было бы трудно сделать из нас своих помощников. Наконец мальчик остановил свой выбор на кулоне, в котором длинный карандашеобразный кристалл изумруда висел на скромной серебряной цепочке – не самое презентабельное украшение, на мой взгляд. Повертев камень в пальцах, Димка уверенно заявил, что это «самое то», но что примерку все же лучше делать днем.

– Ну, завтра так завтра, – отозвался Серегин пряча обе вещи во внутренний карман своей куртки, – а сейчас, товарищи, пойдёмте вкушать ужин.

Змей, которого мы только что оторвали от подобного занятия, только тяжело вздохнул, и мы пошли туда, где был

слышен задорный стук ложек по глиняным мискам и алюминиевым котелкам.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Всегда слушайте, что скажет вам специалист. Если он говорит люминий – значит люминий, если чугуний – значит чугуний, если то, что эту работу надо делать только при полном солнце – значит, ее надо будет делать именно при полном солнце, а не сейчас, когда угасают последние отблески зари. Но тут нас ждали свои, давно ожидаемые сюрпризы.

Короче, едва наша главная повариха Клавдия набухала нам большим половником свое гороховое варево, как тут же заколебался и заструился воздух над площадкой с костром, возле которого на стволе поваленного бурей дерева расселась вся наша братия, включая отца Александра и княжну Волконскую, тоже не отказавшуюся от нашего простого угощения, а даже, напротив, наворачивающую его с немалым аппетитом. Видимо, действительно голод не тетка, или угощение амазонок было скудным и еще более гадостным. У нас хоть порции от пуза, которые Клавдия швыряет в миски и котелки своим черпаком – есть не хочу, и никому не отказывает в добавке.

У мадмуазель даже челюсть натурально отвисла, когда из этого марева сперва появился Гермесий со своими крылаты-

ми сандалиями, широкополой шляпой и кадучеем, а вслед за ним показалась и молодая на вид темноволосая женщина, одетая по местной моде в белоснежный хитон и аккуратные позолоченные сандалики. Гермесий учтиво подал ей руку, обводя нас при этом хитрым и победоносным взглядом.

Ввалившись на эту сторону, дама встала, элегантно положив на бедра свои красивые полные руки, и, покачиваясь, принялась внимательно изучать нашу компанию. Если лучше приглядеться к ее хитону, то на белоснежной ткани с легкостью обнаруживались следы от обильных сегодняшних и вчерашних возлияний. Но тем не менее зрелище нельзя было назвать отталкивающим, поскольку женщина имела такой царственный вид, что поневоле вызывала нечто, схожее с благоговением. Ее зеленые, широко расставленные глаза с поволокой томно моргали, влажные темные губы, удивительно свежие и не тронутые помадой, то и дело приоткрывались, выражая удивление, смешанное с чувственностью. Пряди, выбившиеся из прически, придавали ее облику очаровательную небрежность и невольно напоминали о постели... Несмотря на немного потрепанный вид, дама отличалась редкой красотой, и ее опьянение лишь усиливало тот эротический флер, что тут же заструился между присутствующими...

Дама одарила всех приветливой улыбкой, кокетливым жестом склонив голову в знак благожелательности.

Чье-то смущенное покашливание прервало затянувшееся

молчание, наполненное созерцанием блистательной гостьи, и вслед за этим по костровой площадке поползли шепотки с догадками.

– Вот, – вслух бесхитростно прокомментировал происходящее Зоркий Глаз, – пришел Гермесий и приволок с собой бабу, да еще и пьяную, как будто у нас своих баб не хватает.

– Э-э-э-э, дружище, – развязно ответил Гермесий, который, на мой опытный взгляд, больше играл пьяного, чем действительно был навеселе, – это не простая баба, а сама богиня любви и красоты Афродита, сиречь Венера, решила посетить вашу скромную компанию... – и он с наигранным восхищением воззрелся на свою спутницу, предлагая и остальным выразить той свое почтение.

Однако никто не торопился этого делать. Видимо, хорошо усвоили, что пьяные женщины бывают непредсказуемы...

– Ничего венерического нам не надо, – немного неудачно пошутил Ара, за что тут же схлопотал подзатыльник от Дока.

– Да нет там ничего венерического, – тут же отозвался Гермесий, – то, что было раньше, Асклепий залечил еще в прошлом месяце, а нового пока не образовалось. Зато смотрите, какая женщина – какие ножки, талия, животик, грудь и прочие замечательные достоинства...

В ответ на эту тираду Гермесия раздалось такое громкое шипение, что, казалось, разом проснулся целый змеиный полк. На самом деле это женщины из разоренного тевтонами селения выражали таким образом свое крайнее неудоволь-

ствие столь наглыми происками залетной дамы, пусть она даже и три раза богиня. И моя Туллия тоже нарисовалась поблизости, поигрывая тяжелым молотком для отбивания мяса – наверное, из солидарности, потому что моей женщиной она больше не считалась (к моему облегчению). Бедная Афродита-Венера аж опешила, явно не ожидая от местных женщин такого «горячего» приема. Насколько я понимаю, ей как богине всегда и во всем был зажжен зеленый свет и расстелена красная дорожка, а тут у нее, понимаешь, вышел облом. Не хотят местные бабы отдавать ей своих мужиков, и все, пусть даже они для них только временные постельные партнеры. Как и у всех пьяных людей, которые от показного дружелюбия быстро переходят к лютой злобе, у богини начало наливаться кровью лицо, а в глазах и на кончиках пальцев заплясали небольшие фиолетовые молнии. Еще немного – и прольется чья-то кровь... Незаметным жестом я снял висящий на плече «Вал» с предохранителя, решив, что если здесь начнется что-нибудь такое эдакое, то я буду валить эту венерическую дамочку прямо на месте, а там – Бог не выдаст, свинья не съест. Судя по всему, мои парни приняли для себя такое же решение, потому что то тут, то там начали раздаваться характерные щелчки.

Быть бы этой Афродите, а заодно и Гермесию, фаршированными свинцом как украинское сало чесноком, но сидевшая рядом со мной Птица, проглотив очередную ложку гороховой каши, шепнула мне на ухо, чтобы я особо за наших

дам не волновался, поскольку тут все у нее под контролем и эта Венера ни над кем не имеет никакой власти – богиня Анна она или нет, в конце концов.

Действительно, над нами, выходцами из других миров, местные божки не властны, потому что мы все – и «имперцы» и «федералы» – подведомственны другому, куда более могущественному божеству, а местный персонал в свою очередь подотчетен нашей Птице, которая с каждым днем все больше осваивает новую для себя профессию богини. Так что если эта Венера затеет бузу, то результат будет для нее плачевным.

И точно, стоило Птице щелкнуть пальцами, как молнии, плясавшие в глазах подвыпившей богини любви и красоты, пропали, и та превратилась в обыкновенную пьяную женщину с размазанным макияжем и растрепанной прической.

– Ну вот, – удовлетворенно сказала Птица, – так-то лучше. А теперь, если будет на то соизволение командира, давайте пригласим наших гостей за стол, чтобы они вместе с нами воздали должное искусству наших поварих.

Конечно же, я соизволил, и разом подобревшая Клавдия, вместо того чтобы огреть пьяненькую богинюшку своим черпаком по голове, тут же навалила ей в миску огромную порцию своей гороховой каши и добавила при этом: «Кушайте на здоровье».

Гермес тоже получил свою порцию и уселся на бревно рядом со мной, бесцеремонно уплотнив мадмуазель Волкон-

скую, которую он едва удостоил беглым взглядом, а место для несчастной Венеры-Афродиты расчистила Птица, заставив потесниться своих соседей. Мир в нашем лагере был восстановлен и все снова дружно застучали ложками. Судя по тому, с каким аппетитом бог с богиней уминали гороховую кашу – на той посиделке, где они перед этим набрались, было много выпивки и почти отсутствовала закуска. Теперь понятно, почему бабу так развезло.

– Угу, друг мой Серегин, – подтвердил мою догадку от души наворачивающий кашу Гермесий, – этот мерзавец Дионисий, хренов вегетарианец, из закуски предпочитает ставить только виноград. Это же уму непостижимо – закусывать вино виноградом!

– Конечно, – подтвердил я, – виноград в качестве закуски – это чистое извращение. Каша с овощами и бараниной при этом куда лучше. Не желаешь, ли друг Гермесий, порцию противопохмельного эликсира?

Тот даже в лице переменялся и воскликнул, нечаянно толкнув при этом локтем в бок мадмуазель Волконскую:

– Ни за что, друг мой, ни за что! Боги, к твоему, вообще не испытывают никакого похмелья, ибо таково наше природное свойство. Твой же эликсир ужасно коварен, и как вы, смертные, можете только пить такой жидкий огонь? Стоило мне немного протрезветь и захотеть пить, как несколько глотков чистой родниковой воды снова отправили меня в алкогольный нокаут. И так было несколько раз, пока выпи-

тая мною порция окончательно не рассосалась. А вот мерзавцу Гефестию – все как с гуся вода. Всю ночь он стучал молотом в своей кузнице, проклятый трудоголик, а наутро был свеж и чист, как будто вовсе и не пил вашей отравы. Так что уж извини, я пока воздержусь принимать твое предложение. Вот как только мне надоест моя вечная жизнь, тогда я сразу прихожу к тебе и напиваюсь до зеленых чертей.

– Хорошо, договорились, друг Гермесий, – ответил я, – как только возникнет такое желание – заходи, не стесняйся. Кстати, каким ветром вместе с тобой к нам занесло столь очаровательную даму? Что ей надо в обществе грубых мужчин, не расстающихся с оружием даже ночью, и неотесанных деревенских женщин, готовых в споре за мужика повыдергать сопернице патлы и выцарапать глаза?

– Какой ты недогадливый, друг Серегин, – укоризненно покачал головой Гермесий, – богиня любви к красоте могла явиться к вам только с одной целью – снять себе на ночь мужчину из вашего мира – как ты сказал, грубого и не расстающегося на ночь с оружием, то есть настоящего героя. Местные бессмертные ей уже приелись, ибо с каждым она делала это не раз и не два, а местные смертные все какие-то будто вареные, и не могут удовлетворить ее все возрастающих appetitov.

– Знаешь, друг Гермесий, – ответил я, – все настоящие герои уже разобраны женщинами, и как ты уже, наверное, понял, без драки их не отдадут. Но... – я задумался, вспом-

нив про Антона, – у нас есть еще один мужчинка, правда, не такого высокого сорта, как мои парни, но совершенно одинокий, и, стало быть, совсем ничей.

Как оказалось, Венера-Афродита тоже прекрасно слышала наш разговор.

– Мужчинка, и при этом совсем ничей! – воскликнула он глубоким грудным контральто, которому позавидовала бы любая оперная дива. – Разумеется, беру! Заверните скорее и выпишите счет, мне надо идти...

– Нет! – сказал я, – на вынос не даем, будьте добры употребить его или здесь, или никак. Кстати, его еще надо уговорить, он ужасно скромный и застенчивый.

– Ах, какая прелесть, – всплеснула руками Венера-Афродита, – давайте же его скорее сюда, я его уже заранее люблю.

– В такие минуты она их всех любит, – пробурчал Гермесий, – зато потом главное – вовремя сбежать, чтобы тебя не задушили в объятьях или не прибил ревнивый муж.

– Это ты по своему опыту рассказываешь? – поинтересовался я.

– Ага! – кивком подтвердил тот, – молодой был, беспутный, польстился как-то раз на симпатную внешность пару тысяч лет назад, и потом очень долго жалел. Кукла – она и есть кукла.

– Ну хорошо, – в ответ кивнул я, – только мне хотелось бы знать, многих ли любовников своей любвеобильной женушки сумел пришибить ревнивец Арес?

– Немногих, – немного подумав, ответил Гермесий, – почитай что и никого. Такого тормоза как он, еще надо бы поискать, поэтому, пока тот разогревался угрозами, большинство успевало сбежать, а меньшинство надеть броню и вооружиться, после чего навалить самому Аресу по первое число. Ты думаешь, Одиссей ранил его при Осаде Трои в общем бою? Как бы не так! Гомер был слепой, он и не того бы мог еще сочинить. Драчка между Одиссеем и Аресом состоялась как раз над ложем распростертой в неге Афродиты, так что ему не впервой быть битым любовником своей жены. Знал ведь, старый дурак, на ком женился!

– Попрошу без инсинуаций, – воскликнула Афродита, – дарить мужчинам любовь – это моя основная обязанность, чего бы там ни думал про себя мой муж. Когда мы поженились, о любви речь совсем не шла, а были лишь взаимные обязательства. Кстати, в нашем брачном контракте не указано, что я должна вести себя как монашка, да и мой муженек тоже не стесняется валять по сеновалам разных пейзажиков. А они, между прочим, потом от него рожают и приносят домой это нарожденное в своем подоле. Вы думаете, из-за чего вы, смертные, такие воинственные? Вот то-то! Виновато Аресово семя. И кстати, где мой милый? Почему он не подойдет ко мне и не обнимет свою ненаглядную?

Забившийся подальше в тень от света костра Антон при этих словах покраснел и неуверенно встал, комкая в руках свою знаменитую кепку. Трудно было понять, доволен он

или нет – возможно, решил, что над ним, как всегда, подшучивают.

– Если этого красавца вам будет мало, – из чистого озорства сказал я Венере-Афродите, – то у нас есть еще один такой же, и тоже из внешнего мира. Целый техник-прапорщик Андрей Пихоцкий. Андрюша, а ну-ка тоже встань и покажись даме!

Прапорщик Пихоцкий тоже смущенно встал и галантно поклонился богине (чем привел в ступор свою начальницу), после чего Венера-Афродита, засияв, захлопала в ладоши.

– И его мы тоже на вынос не даем, – добавил я, – пользоваться телом можно только здесь, так как он ценный технический специалист, а не абы кто.

– Ой, как замечательно! – воскликнула богиня любви, – вы говорили, что тут для меня не найдется и одного мужчинки, а их оказалось сразу двое. Идите ко мне, мои милые, не бойтесь. Я целую ночь буду жарко любить вас обоих. Двое мужчин сразу – это же настоящий вечный двигатель, чего бы там ни говорил этот зануда Гефестий.

Птица после этих слов богинюшки чуть было не поперхнулась кашей. Не дай-то Бог, эта венерическая оторва устроит здесь эро-шоу прямо на глазах у детей и почтеннейшей публики. Вот, точно – уже готовится раздеваться, чтобы немедленно приступить к процессу. Да и раздеваться по местной моде там всего ничего – развязать пояс и расстегнуть фибулу на левом плече, и все – готов разврат. Мы так

не договаривались – нам надо только убрать со сцены всех посторонних, чтобы без помех потолковать с Гермесием насчет той причины, согласно которой он таскает нам на смотрины различных богов и богинь. Не может же быть такого, чтобы он делал это из любви к искусству? И почему они все время являются к нам в положении риз, после попойки у Дионисия?

– Стоп, мадам, – сказал я, вставая, – не торопитесь! У нас не принято делать это на всеобщем обозрении. Змей, кажется, я приказывал поставить для этого дела отдельную палатку?

– Да, командир, – ответил Змей, – мы ее поставили. Но я думал, что...

– Змей, – с нажимом сказал я, – так нужно для дела! Но на телегах со своими кралями миловаться запрещаю, как и уходить ради этого дела из лагеря. А сейчас проводи Венеру и ее партнеров к месту отдохновения и возвращайся обратно для серьезного разговора. Тебе все понятно?

– Понятно, командир, – угрюмо ответил Змей, – разрешите выполнять?

– Выполняй, – сказал я и повернулся к отцу Александру, сказав, – ну что, Отче, поговорим по-мужски с другом Гермесием?

– Поговорим, отчего же нет, – гулко ответил тот, и я понял, КТО именно будет разговаривать с несчастным покровителем плутов и прохиндеев.

– А я что, я ничего, – с тоской ответил тот, глядя, как виляя бедрами удаляется прочь Венера-Афродита, легкими движениями рук подталкивая впереди себя обоих своих полудобровольных, слегка обалдевших кавалеров. Их ждала бурная ночь, а нас – серьезный разговор с главным прохиндеем этого мира.

Первым делом я позаботился о том, чтобы от костровой площадки были убраны дети, за исключением Колдуна, которому участвовать в таких совещаниях было положено по должности, а также все посторонние лица, не входящие в командный актив. У огня остались только Гермесий, я, отец Александр, Птица, Колдун и мадмуазель Волконская. Змей присутствовал как мой заместитель с правом совещательного голоса.

– Командный состав и особые специалисты в сборе, – сказал я, – так что приступим. Я собрал вас всех в качестве свидетелей и участников разговора с нашим, можно сказать, старым другом Гермесиём, во избежание искажений и двояких толкований, неизбежных при пересказах. Начнем наш разговор. Слово предоставляется отцу Александру.

– Друг Гермесий, – вполне вежливо начал тот, – расскажи нам, пожалуйста, о том, с какой целью ты таскаешь к нам, то Гефестия, то Афродиту? За Гефестия тебе, конечно, спасибо, слов нет – проблему он нам решил, но вот насчет секс-туризма мы как-то не договаривались. И вообще, давай рассказывай, откуда в этом деле растут ноги и откуда руки?

– Шухер у нас, смута и раздрай! – угрюмо ответил античный божок. – Как ты, дядя, на горизонте нарисовался, так все и началось. Старик Зевсий совсем сдал, и теперь каждый тянет в свою сторону, а особенно мутят воду Гера и Аполлонус с его бабьей командой.

– Так-так, друг Гермесий... – священник с внимательным прищуром смотрел на божественного прохиндея, – скажи, а Афродита с какой стороны замешана в этой интриге, и с какого бока тут наша старая знакомая Кибела?

– А ни с какой стороны обе они в этой интриге не участвуют, – ответил Гермесий, – Кибела пока отсиживается в своей вотчине и чего-то ждет, а Афродиту Арес за пьянство и блуд чуть ли не каждый день лупит смертным боем. Она, бедная, не знает, куда от него и деваться, и чем больше он ее лупит, тем больше она пьет и гуляет по мужикам.

– Значит, – уточнил я, – утром нам следует ожидать визита разгневанного бога-рогоносца?

– Что-то вроде того, друг Серегин. Надеюсь, что ты сможешь его побить, не прибегая к этим вашим стреляющим штучкам. Иначе местный народ не поймет.

– Ты что, друг Гермесий, – грозно спросил я, – задумал устроить тут гладиаторские бои между мною и Аресом? А ты немного не попутал берега, забыв заранее спросить у меня самого, хочу ли я участвовать в этом вашем шоу?

– Да нет, ничего я не задумал, – напугался тот, – просто Афродита вцепилась в меня как клещ, и незаметно уйти с

вечеринки я мог только вместе с нею, иначе шума от нее было бы как от целой толпы менад. А потом подумал, что раз уж что-то неизбежно должно случиться, так пусть это случится с пользой для дела. Если Серегин побьет Ареса, то ему, не отходя от кассы, авторитет героя, равного Одиссею, а Аресу позор и порицание, что, как у вас говорят, автоматически снимет его с игровой доски, после чего должность бога войны окажется вакантной. Стало быть, будут целы волки и сыты овцы.

– Насколько я помню, – сказала Птица, – Арес – это бог несправедливой, захватнической и грабительской войны, так что эту должность было бы желательно просто упразднить. Богиней войны справедливой и оборонительной является Афина...

– Но она нам тоже не союзник, – прервал ее обладатель оригинального жезла, – дело в том, что Аполлонус постоянно пытается склонить Ареса на свою сторону, и в свете последних событий тот уже колеблется, поэтому...

– Постой, Гермесий, – произнес отец Александр, – для начала ты четко и подробно объясни нам, каков твой интерес во всей этой интриге. И объяснения твои должны быть правдивы и весьма убедительны, потому, что в темную мы не играем. Так что давай, начинай, а мы слушаем...

Тот стушевался и опустил голову.

– Послушай, дядя, – сказал он, – пусть я и покровитель плутов, пиратов и воров, но ведь и путешественники, и тор-

говцы тоже пользуются моей благосклонностью. А дела у них сейчас, пока Гера с Аполлоном делят власть, обстоят не лучшим образом. Торные тракты зарастают травой, торговля почти угасла, и на дорогах легче встретить разбойничью шайку, чем торговый караван. Поэтому мы решили, что раз уж смена власти необходима, попробовать сыграть в свою игру, отличную от игры Кибелы, Геры или Аполлона с Артемидой и Афиной...

– Так, Гермесий, – священник хлопнул рукой по колену, – прежде чем давать расклады по своей особой игре, ты сперва расскажи, кто такие «мы» и с чем вас едят. И, пожалуйста, поподробней...

– Значит, так, – сказал тот, – «мы» – это несколько богов второго плана, не желающих участвовать в интриге Аполлона. Во-первых, это ваш покорный слуга, во-вторых, уже знакомый вам Гефестий, в-третьих, богиня плодородия Деметра, в-четвертых, бог виноделия Дионисий. Он хоть и алкаш, но разума еще не пропил. Если у тебя получится побить Ареса, сюда можно будет добавить Афродиту и, возможно, Афины, которая только и мечтает о мужике, который бы сумел отлупить этого меднолобого идиота. Если тебе удастся затащить ее в свою постель – то трон Зевсия, считай, у нас в кармане. Раз, два – и в дамках.

– Постой, Гермесий, – возразила Птица, – так Афина вроде бы такая закоренелая девственница, что никогда, нигде и ни с кем?

– Ерунда! Сам видел, как она занималась содомией с Гефестием...

– Это ложь! – неожиданно для всех четко сказала Елизавета Волконская. – И в тот момент, когда этот тип, называющий себя Гермесием, произносил эти слова, оно твердо знало, что возводит напраслину на честную женщину.

– Так, – грозно сказал отец Александр, – гражданин Гермесий, вы что, вздумали врать и распространять клевету? А ну-ка немедленно объяснитесь!

– Э-э-э, – растерянно проблеял божок, заметно побледнев, – дядя, позволь мне слово молвить, я все тебе объясню... Детство у меня было тяжелое, жизнь несчастная, а воспитание плохое...

– Про воспитание – это правда, – сказала мадмуазель Волконская, – а все остальное чистое вранье. Просто пороть его надо было почаще.

– Хорошо, – покаянно сказал Гермесий, – признаю свою вину, степень, тяжесть, глубину и прошу меня отправить на ближайшую войну. Нет войны? Я все приму – ссылку, каторгу, тюрьму, но желательно в июле и желательно в Крыму.

– Хватит пааясничать! – прервал его священник. – И советую тебе больше не врать, а также думать, что говоришь и кому. Давайте вернемся к рассмотрению вопроса по существу. Расскажи-ка нам, кого вы собираетесь посадить своими интригами на трон Верховного бога?

Гермесий повернулся в мою сторону и, вытянув в перед

руку с прокуренным желтым указательным пальцем, ткнул им меня в грудь, громко сказал:

– Его!

От такой заявочки я чуть не выпал в осадок. Это ж надо додуматься – сажать меня в захолустном мире на место Зевса, чтобы я разруливал дела склочной и скандальной олимпийской семейки? А не пойдут ли они по известному адресу с такими предложениями... В конце концов, я российский офицер, давал присягу и мой долг – любой ценой вернуться из рейда и доложить командованию всю собранную моей группой информацию. А тут меня собираются заточить в этом мире на неопределенный срок. Очевидно, все мои чувства очень ярко и недвусмысленно проявились на лице, потому что нахальный божок сразу же отпрянул от меня назад и испуганно замолчал.

Смягчил ситуацию отец Александр, который сказал:

– Пойми, Гермесий, для любого выходца из верхних миров застрять в этой дыре, пусть и в должности верховного бога – это ссылка, которая горше всякой смерти. К тому же есть еще два препятствия к тому, чтобы он занял трон Зевсия. Во-первых, капитан Серегин не обладает необходимыми для того особыми способностями, а во-вторых, не имеет никакого отношения к вашему олимпийскому семейству. Так что давайте подумаем, кем вы его можете заметить.

– Кем, кем, дядя... – проворчал покровитель жуликов, – конечно же, Афиной, в ранге местоблюстительницы престо-

ла, но только в том случае, если Серегин ее осеменит и она будет беременна от него нашим будущим верховным богом, и если она вообще вздумает переходить на нашу сторону...

– Значит, – сказал адепт Небесного Отца, – именно ты, Гермесий, должен приложить все усилия к тому, чтобы Афина как можно скорее перешла на нашу сторону. Это, как я понимаю, полностью в твоих силах. Надо бы нам с ней познакомиться, но только, пожалуйста, приводи ее к нам трезвой, а то пьяную Афродиту я перенести еще могу, а вот пьяную Афину уже нет.

– Хорошо, дядя, – кивнул тот, лихо взметнув вверх одну бровь, – я так и сделаю. Только знай – пьют наши перед визитом сюда не из врожденного алкоголизма, а для храбрости, ибо глянуть тебе в глаза – это уже немалое испытание. Ну а с пьяных глаз чего не померещится. Извини, сказал как мог. А теперь позвольте попрощаться, и надеюсь, что остающуюся тут Афродиту никто не обидит. До скорой встречи. Оревуар!

С этими словами он встал, и, сделав всего один шаг, исчез в мерцающей и колышущейся завесе перехода.

* * *

Анна Сергеевна Струмилина

Бедняга Антон. Он по жизни был уверен, что на него никогда не обратит внимания хоть сколь-нибудь привлекательная женщина, но сейчас он на пару с техник-прапорщиком

Пихоцким ублажал саму богиню любви и красоты... Насколько я знаю, ни один мужик не может в нормальных условиях буйнить так долго, а эти два тщедушных задохлика все никак не устают, и Афродите-Венере остается блаженно повизгивать. Но об этом можно только догадываться, потому что отец Александр поставил над их палаткой полог молчания.

Мне было понятно, что Афродита-Венера появилась у нас совсем не случайно – нет, она целенаправленно набилась к нам в гости себя показать, людей посмотреть и заполучить от нас в подарок очаровательного малыша. Эти богини могут совершенно точно обеспечить желательное зачатие, но и у них тоже бывают залеты и проколы. Откуда-то я знала, что в этот раз Афродите суждено родить двух очаровательных малышек. Мальчика – отцом которого будет Антон, и девочку, отцом которой будет техник-прапорщик Пихоцкий.

Какая жалость, что здесь нигде поблизости нет героя моего романа... Визит богини любви как-то странно всколыхнул во мне глубоко запрятанные желания... Это только так казалось со стороны, что у меня нет проблем с мужчинами. Меня считали красивой девушкой, и в лагере у меня было много поклонников – от юнцов-вожатых до охранников. Злые языки даже болтали, что я каждую ночь меняю кавалеров – я очень веселилась, когда моих ушей достигали подобные слухи, и не спешила их отрицать – пусть, пусть завистницы думают, что у меня такая насыщенная личная жизнь...

Вообще, знающим людям хорошо известно, что многих из тех, кто ездит на работу в летние лагеря – независимо от возраста – греет именно мысль о пикантных приключениях. Свежий воздух, другая обстановка, новые люди... Когда я была совсем юной, я тоже не упускала случая «замутить романчик» с каким-нибудь молодым человеком – физруком или вожатым... Но с некоторых пор такие «курортные романы» стали мне не очень интересны. Что может быть в этом захватывающего, романтического и необычного – «добыча огня трением» с коллегой где-нибудь под сосной? Чего доброго, от него потом еще и не отделаешься. Нет, совсем не об этом были теперь мои грезы... Хотелось чего-то настоящего. После разрыва с Глебом у меня не было серьезных отношений, а те, которые я пыталась завязать, неизменно приносили разочарование. И мне пришлось стать «монахиней». В этом не было никакой принципиальности или морального аспекта – просто я не хотела испытывать пустоту после близости. Эта пустота – она была хуже всего. Раз за разом я с горечью понимала, что только зря потратила свои эмоции. Конечно же, мое безупречное поведение злило недоброжелателей, и они сочиняли про меня байки одна нелепее другой. А меня это все только забавляло... Но порой, в холоде одиноких ночей, приходила тоскливая мысль – неужели я больше не испытаю любви? Не почувствую восторг, вдохновение и полет от близости с женщиной? И страшно становилось от этого...

И вот теперь, под влиянием посетившей нас Венеры-Аф-

родиты, я долго не могла уснуть, и странные, смутные мысли бредили мою душу. Я чувствовала волнение, и жар то и дело приливал к моему животу, и щеки мои горели. Но это не было тем, что писатели-классики называли «любовным томлением». Туманные образы проносились в моей голове, но мне не удавалось уловить их и проанализировать. «Будь что будет...» – думала я, засыпая, и сердце наполнялось негой, теплом и спокойствием...

* * *

Княжна Елизавета Волконская, штурм-капитан ВКС Российской Империи

Да, господа, день был насыщенным, но вечер превзошел все мои ожидания. У меня аж волосы на голове зашевелились, когда к нам прямо из воздуха явились Гермесий с Афродитой. И хоть предупреждал меня отец Александр о том, что такое явление скорее всего состоится, но для меня оно все равно стало неожиданностью и шоком. Возвышенно книжное представление об олимпийских богах, со спокойствием вкушающих амброзию и с олимпийским равнодушием вззирающих на кипящие внизу человеческие дразги и свары, вдребезги разбился о грубую реальность. Боги жрали винище и гороховую кашу, при этом портили воздух и рыгали, затевали интриги из-за власти, а богиня любви и красоты уединилась для любовных утех с двумя мужиками сразу,

причем одним из них был мой техник и старый девственник Андрюша Пихоцкий. Это на словах он ловелас хоть куда, но я-то чувствую, что раньше он голых женщин видал только на картинках в мужских журналах. Да и Антон из отряда Серегина тоже был не лучше. Боже, да чтобы иметь что-то с такими, да еще сразу с двумя?! Пусть лучше я просто умру!

Боже, кстати, тоже был здесь, и на фоне развязного поведения Гермесия и Афродиты выглядел просто образцом поведения, как настоящий аристократ на фоне лавочно-купеческого быдла. Достоинно выглядели и люди Серегина. Правда, меня немного покоробил сам процесс вручения Афродите мужиков и выпроваживания ее в специальную палатку для деловых сношений. Но последовавший за этим жесткий и деловой разговор с Гермесием сразу реабилитировал Серегина в моих глазах. И пусть большую часть разговора провел отец Александр, но хозяином у костра был именно Серегин, и это было заметно. А как он отказался от трона местного верховного бога!? Ах, это была просто сказка! Сказать честно, я и сама ощущаю что-то подобное – застрять в этой дыре без возможности выбраться обратно к настоящей цивилизации – это же наказание хуже самой смерти.

А сам капитан постепенно становится для меня просто идеалом воина и офицера. Как я ни стараюсь, я просто не могу найти изъянов в его поведении. Это тревожный знак, потому что я знаю, что на следующем этапе окажусь влюбленной в него по самые уши. Обаятельный гад... И как толь-

ко Анна Сергеевна сумела остаться равнодушной к его очарованию дикого, но ласкового зверя? Поскольку я убедилась, что магия в этом мире существует и действует, я хочу попросить Анну Сергеевну наложить на меня какое-нибудь заклинание, чтобы я хотя бы не теряла голову и критически относилась ко всем словам и поступкам капитана Серегина. Если уж большой любви не избежать, так пусть хотя бы у этой любви будет трезвая голова и зоркие глаза, а не как обычно – когда я полностью теряю голову от какого-нибудь великосветского хлыща и прихожу в себя только когда все уже кончено, оплеванная и у разбитого корыта, и при этом не помогали никакие мои способности отличать ложь от правды. Просто некоторые негодяи сами верят в то, что говорят. Хватит с меня!

Едва я об этом подумала, как на моем горизонте нарисовался сам Серегин, бесшумно, как большой тигр, вышедший к костру из темноты.

– Ну что, Елизавета Дмитриевна, не спится? – спросил он меня.

Слова эти были банальны, но при этом отдавали душевной теплотой. Он действительно беспокоился о том, что я не отдыхаю после тяжелого дня, не имея при этом никакой потайной мысли. Точно как мой папенька, который поздно вечером входил в мою спальню поцеловать меня на ночь и находил меня сидящей в кресле с толстой книгой в руках.

– Ну что, не спится, Лизонька? – спрашивал меня он то-

гда, и на душе у меня сразу начинали петь ангелы. Это там, у себя на службе, он – наводящий ужас следователь по особо важным делам, что-то вроде Порфирия Порфирьевича у Достоевского, а для меня он всегда был нежным и любящим отцом.

Вот так и сейчас, почувствовав доброту и участие со стороны Серегина, я сразу же потянулась к нему всей душой, забыв о том, о чем я сама размышляла всего несколько минут назад.

– Да, Сергей Сергеевич, – ответила я, – не спится. Слишком уж тяжелым и интересным был сегодняшней день. Кстати, вы не подскажете, где тут может приклонить голову молодая и одинокая женщина, пока еще не знающая всех местных обычаев и порядков?

– А вот там, – махнул он рукой, указывая мне путь, – ложитесь спать вместе с Коброй и Птицей, они вас в обиду уж точно не дадут. Впрочем, вы, наверное, уже убедились, что у нас нет недостатка в женщинах.

– Уж да, надо полагать... – не удержалась я, чтобы не поддеть его, – и вы, без сомнения, этим активно пользуетесь. Я, между прочим, уже успела узнать кое-что... Вероятно, ваши потребности весьма примитивны, раз вы пользуетесь женщинами лишь в одном качестве...

– Что ж тут поделать, – не моргнув глазом, нахально ответил он, с доброжелательной насмешкой глядя мне в глаза, – мужчина спит с женщиной для тела, пока у него нет женщи-

ны для души и ума. Вот если мужчина будет спать с другим мужчиной – это будет действительно перебор.

– А спать один этот мужчина не может? – с интересом спросила я. – Ну хотя бы некоторое время, пока женщина для души и ума не наберется храбрости сказать ему «Да».

– Во-первых, – ответил Серегин, самодовольно улыбаясь, – я лично еще никому не задавал подобных вопросов, не в моих обычаях делать это в первый или второй день знакомства. Мне надо сперва присмотреться к человеку и попробовать понять – чем он дышит и о чем думает. Во-вторых, для молодого здорового симпатичного мужчины спать в одиночку при наличии согласной на все особы – это чистейшая форма извращения, подобная той, если бы он спал с другим мужчиной. По крайней мере, я так думаю, и еще никто не сумел доказать мне обратного.

Я вся кипела. Не знаю, думал ли он так на самом деле, но он явно меня подзуживал. Еще и философское обоснование подвел под свое распутство! Ну точно как мой дедушка, который на старости лет не пропускал мимо себя ни одной молоденькой горничной. Каждый вечер, поцеловав на ночь жену, он старательно улучшал в стране демографическую ситуацию, не делая разницы между русскими, белобрысыми чухонками, говорливыми хохлушками и привезенными изда- лека экзотическими раскосыми корейнками и японками.

– Ну что же, в таком случае... – сказала я, стараясь доба- вить в свои слова как можно больше яду, – желаю вам при-

ятно провести эту ночь.

– И вам тоже не болеть, – ответил Серегин, не обращая внимания на мой сарказм – лишь легкая усмешка сквозила в его голосе, – надеюсь, что первая ночь в нашем коллективе пройдет для вас приятно и без приключений.

После этих его слов я вскочила с этого бревна как ошпаренная кошка. Вот гад, вот гад! Ну, совсем не может без подколов. Тут к нему целая княжна клинья подбивает и мосты наводит, а он делает вид, что совсем тут ни при чем, ничего не знает и не понимает. Но зато он гад обаятельный и очень привлекательный. Просто обожаю таких. А ведь ему еще предстоит оплодотворять богиню Афину, и стоит мне представить тонкости процесса как он ее берет прямо в шлеме и с копьем, так меня, то продирает мороз по коже, то душат приступы смеха. Бедняга. Правда, если нахлобучить поглубже шлем, то не будет видно ее рожи, которой уже не одна тысяча лет.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Что положено делать, когда к тебе клеится молодая симпатичная баба из «хорошей семьи», на которой потом обязательно придется жениться? Правильно, прикинуться ветошью и не отвечать. Вот я и не отвечивал. Ася, которой я дал обещание – она еще когда будет... Не раньше, чем лет

через пять. Успею погулять. А эта Елизавета уже подготовила для Серегина и веревку, и хомут. К тому же в ней нет той пылкой искренности, как в Асе, одна расчетливая осторожность пополам с желанием заполучить еще один экземпляр в свою коллекцию. Тут только и остается делать вид, что ты ничего не понял. Нафиг-нафиг! И пусть мы и из разных миров, но защита свободы действий в таких случаях – для меня на уровне инстинкта. Поэтому отправил я ее спать и вздохнул с облегчением. Пусть пока погуляет, все равно далеко не уйдет.

Но хватит о ней, ушла и ушла, тем более что только на ближайшее время она моя гостья, с которой можно заводить интрижки и крутить шашни, а потом она станет моей подчиненной – а тогда и думать не моги о ней в лично-сексуальном контексте, иначе можно порушить всю систему взаимоотношений в отряде. И это, судя по всему, будет надолго.

Кстати, хорошо, что моя первая невеста Ася уже спит, а то была бы мне еще одна сцена ревности, на этот раз уже не совсем безосновательная. Пусть мне нравится эта ее детская непосредственность, но пока она несовершеннолетняя, я лучше буду думать о ней не как будущей жене, но как о приемной дочке, которую надо холить, лелеять и оберегать. А там, глядишь, все и обойдется, тем более что пока трудно понять, кого эта детдомовская девочка видит во мне больше – потенциального мужа или давно потерянного отца. У меня тоже, видимо, срабатывают какие-то отцовские инстинкты,

потому что иногда хочется подойти к ней, погладить по голове и утешить именно как маленького ребенка... Короче, положеньице – сиди тут на бревне и думай. Вот так я и сидел, пока сзади меня не раздались робкие шаги.

Туллия, моя брошенная подруга, грустным изваянием стояла позади меня, глядя на меня с тоской и любовью. Ее черные глаза блестели в ночном сумраке, в них отражалось пламя костра – и это еще усиливало ощущение драмы. У девушки был такой горестный вид, что я почувствовал себя последним мерзавцем....

Но затем она, тяжело вздохнув и бросив на меня исполненный любви взгляд, поспешила прочь, не сказав мне ни слова. Очевидно, что Матильда уже провела с ней беседу – она не могла этого не сделать. Эх, а ведь был в душе благодарен за это своей юной невесте. Расставания с пылкой латинкой рано или поздно было не избежать. Ася избавила меня от тяжелой необходимости самому объясняться со своей бывшей любовницей. В отношениях с женщинами меня всегда больше всего пугали эти душераздирающие сцены, практически всегда проходившие по одному сценарию: «Мы должны расстаться...» «Ты шутишь?!» «Мы разные люди, я ничего тебе не обещал.» «Но я люблю тебя! Что я сделала не так?» «Все нормально, дело не в тебе.» «Ах ты подлец! Ты морочил мне голову...» «Прости.» «Никогда! Подонок!». Рыдания. Затем: «Я на все готова, только не бросай меня. Я отравлюсь. Убьюсь апстену. Убью тебя. Отомщу.»

Когда я представил все это, то аж вздрогнул. Да, они часто упрекали меня, что я играл с ними. И даже те, которые заведомо шли на интрижку, все равно страдали, расставаясь, хоть и не показывали этого. Но, наверное, им всем казалось, что я при этом остаюсь холодным и бесчувственным болваном. Однако это было не так. Я тоже чувствовал опустошение и сожаление, каждый раз зарекаясь больше не причинять женщинам боль, но это оказалось невозможным. И все чаще и чаще я начинал испытывать смутную тягу к постоянству... Наверное, мне и вправду следовало жениться, но я подозревал, что вероятность встретить нужного человека ничтожно мала.

* * *

Княжна Елизавета Волконская, штурм-капитан ВКС Российской Империи

Оставив капитана Серегина сидеть в одиночестве, я пошла искать указанную им нашу «девичью спальню» и нашла ее почти сразу, ибо путь мне был показан с точностью компаса. Условия тут были просто спартанские: три толстых губчатых коврика, настеленных поверх охапок тростника, на одном из них должна была спать я с Коброй, которую в миру звали Ника Зайко, на другом Анна Сергеевна с двумя девочками предподросткового возраста, на третьем Дима по прозвищу Колдун, и еще один мальчик Дима, которого все звали

Митей. Но я и ждала ни отдельных дортуаров, ни пуховых перин – когда я училась в кадетском корпусе и летном училище, в летних полевых лагерях случались условия и похуже этих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.